

В. ВВЕДЕНСКИЙ

Убийца из прошлого

Романы об эпохе зарождения русской криминалистики

Александра Тарусова

Валерий Введенский
Убийца из прошлого

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Введенский В. В.

Убийца из прошлого / В. В. Введенский — «Эксмо»,
2017 — (Александра Тарусова)

ISBN 978-5-04-089429-1

Осень 1870 года. Прочитав главу из романа «Убийца из прошлого», Александра Ильинична Тарусова неожиданно узнает, что описанное в ней преступление – убийство извозопромышленника и его любовницы – произошло на самом деле. Но когда? До выхода газеты или после? Откуда автор романа Андрей Гуравицкий знает столько подробностей? Ведь даже следователь выяснил их далеко не сразу. Виновен ли задержанный полицией Иван Стрижнев или, как утверждает в романе, улики против него подкинул настоящий убийца? Если так, то тогда, согласно новой науке оптографии, его изображение должно отпечататься в глазах жертвы. И Александра Ильинична решает в них заглянуть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089429-1

© Введенский В. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	11
Глава 3,	38
Глава 4,	48
Глава 5,	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Валерий Введенский

Убийца из прошлого

© Введенский В., текст, 2017

© Асадчева Е., иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Памяти моего друга
Андрея Логинова*

У отца три сына было...
Старший говорит:
«В вицмундире очень мило,
И я буду сыт».

Вот второй промолвил смело:
«Я же – на коня!
Бить врагов – святое дело!
Отпусти меня!»

«Ну а ты, – спросил родитель
Третьего, – куда?» –
«Мир велик! Я – сочинитель.
Вот моя звезда!»

Старший служит, есть уж дети,
Сам солидным стал;
Генерал – второй, а третий...
Без вести пропал.

В. И. Богданов¹, 1870 год

¹ Владимир Иванович Богданов (1837–1886) – автор песни «Дубинушка».

Глава 1, в которой первую главу читает Разруляев

Четверг, 26 ноября 1870 года,

Санкт-Петербург

Ксения Алексеевна и Сергей Осипович избегали друг друга. Встречались лишь на утренней воскресной службе и по четвергам за завтраком. Во все остальные дни Ксения с сыном (мальчика назвала Лешенькой в честь ее покойного отца) уходили на прогулку задолго до пробуждения Сергея Осиповича. А вставал Разруляев теперь поздно – вскакивать ни свет ни заря причин у него больше не было. Да и светает в Петербурге, куда по настоянию Ксении переехали после свадьбы, гораздо позже, чем в Новгородской, особенно зимой.

Пробудившись от солнечных бликов, Сергей Осипович надел халат, сунул ноги в тапочки и направился в столовую выпить кофе. Увидев за столом супругу (как раз случился четверг), дежурно буркнул: «Добрый день». Ксения Алексеевна, пробормотав в ответ «Здравствуйте», сразу поднялась.

– Уже насытились? – без всякого интереса, лишь бы прервать тягостное молчание, так раздражавшее в собственном доме, спросил Сергей Осипович.

– Да, мне пора, – ответила жена.

– Опять нищим помогать?

По четвергам Ксения посещала заседания благотворительного общества. Какого именно – Разруляев не знал и знать не хотел. Зачем? Чем бы дитя ни тешилось... Хотя увлечение супруги влетало ему в копеечку: только лишь собирать средства казалось Ксении Алексеевне недостаточным, считала обязанной вносить свою лепту.

– Надо же чем-то заниматься, – пожалала плечами супруга. – Сегодня собираем на нужды Воспитательного дома.

Сергей Осипович скривился, но что поделать – достал бумажник. Средствами был обязан супруге, потому никогда в них ей не отказывал. Протянул красненькую и два полтинника на извозчика. Все-таки мороз.

– Не надо. Пешком пройдуся. Полезно для здоровья, – отвергла серебро Ксения Алексеевна.

– А Лешенька где? Гуляет? – уточнил Сергей Осипович опять же для поддержания разговора.

– Да вы же знаете, он, словно пташка, встает всегда рано. Они с Феклой давно уже в парке. Хорошего дня, – пожелала супруга и удалилась.

Плотно позавтракав, Сергей Осипович отправился в кабинет разбирать почту. Сперва прочел письмо от Шелагунова, в котором, как Разруляев и ожидал, шурин увернулся от прямого ответа, однако пообещал вскоре приехать и вот тогда все решить.

Неожиданно раздался мелодичный звон, Сергей Осипович с непривычки вздрогнул. А потом понял, что это звенит новомодный механический колокольчик, который им недавно подарил Шелагунов.

Сергей Осипович немного подождал – не откроет ли Лушка? Но, видимо, и ее дома не было, на рынок ушла или в лавку, пришлось плестись в коридор.

– Кто там? – спросил он через дверь.

– Рассыльный. Пакет для господина Разруляева.

Сергей Осипович расписался, сунул «шапке»² гривенник и вернулся в кабинет. Ножом для бумаг вскрыл полученный пакет, с недоумением вытащил из него газету, какой-то неведомый «Глас Петербурга», сегодняшний номер. И, не читая, скомкал. Решил, что издатель рассылает для привлечения новых подписчиков.

Но что это? Заголовок одной из колонок был отчеркнут чернилами. Сергей Осипович бережно расправил газету, нацепил пенсне... О боже!

«УБИЙЦА ИЗЪ ПРОШЛАГО».

Хроники петербургской сыскной полиції за 2016 годъ

Фантастическій романъ

господина Андрея Гуравицкого

«Лишь только Солнце покинуло небосводъ, надъ столицей вспыхнуло другое свѣтило, электрическое. Циклопическихъ размѣровъ башня, на которой оно крѣпилось, была выстроена почти столѣтіе назадъ на Пулковскихъ высотахъ, изъ-за чего обсерваторію, издавна тамъ обитавшую, перенесли за 140 верстъ въ Лугу, гдѣ свѣтъ искусственной звѣзды не мѣшалъ астрономическимъ наблюденіямъ»³.

Неужели Гуравицкий рискнул вернуться? Но зачем?

Разруляев подошел к книжному шкафу, где за томиком Гоголя прятал бутылку, налил в стакан на полпальца коньяка и с жадностью выпил, дабы успокоить нервы и избавиться от дрожания в членах. Вернувшись к столу, схватил газету и принялся читать:

«Начальник сыскной полиции Кобылин выглянул в окно. Убедившись, что на Большой Морской включили иллюминацию, засобиравшись домой. Дела его на службе не держали. Честно говоря, их и не было. И не было давно. За прошедшие с судебных реформ сто пятьдесят лет Образование и Просвещение искоренили преступность почти полностью. Зачем воровать, если можно заработать честным трудом?

Тщательно расчесав пушистые бакенбарды и остатки некогда пышных волос, Кобылин запер кабинет и спустился с четвертого этажа по лестнице вниз (после того, как лифт в здании переделали из парового в электрический, он пользоваться им перестал – знал, что сила тока в двигателе достигает смертельных для человека величин, и опасался жуткой смерти).

Дмитрий Иванович не одобрял прогресс. С ужасом узнал недавно, что в Англии тамошние инженеры пытаются уменьшить электрический чудодвигатель, чтобы заменить им лошадей в экипажах. Если такое случится, Кобылину придется выйти в отставку, ведь в самодвижущихся экипажах ездить он не станет ни за какие коврижки.

² Так называли посыльных.

³ Далее для удобства читателей текст романа будет приводиться в современной орфографии.

Дойдя до станции «Адмиралтейская», начальник сыскной спустился по лестнице под землю и принялся ждать машину. Прибытию ее на дебаркадер предшествовали клубы дыма от парового котла, силой которого она двигалась.

Подземка тоже вызывала у Дмитрия Ивановича отвращение, но трястись в санях до Парголово пришлось бы часа три, не меньше: количество жителей в столице в двадцать первом веке перевалило за три миллиона, улицы были запружены экипажами, в конке стало не протолкнуться.

На станции Парголово Кобылин поднялся на поверхность, прикинул, не взять ли извозчика, но решил последнюю версту пройти пешком, чтобы размять затекшие от дневного сидения ноги.

Состоятельные люди теперь селились в предместьях, где их взору и нюху не мешал фабричный дым. Уютные двухэтажные домишки с непременно палисадниками имели все немислимые удобства, как то: канализацию, водопровод, ванну и даже паровое отопление. Продукты из ближайших деревень привозились наисвежайшие, а благодаря подземке главы семейств и учащиеся могли каждый день ездить туда-обратно в город.

Чинно пройдясь по гранитной мостовой, Дмитрий Иванович свернул в проулок к своему дому, но, услышав знакомый шум, остановился и задрал голову вверх. Управляемый воздушный шар. Не по его ли душу? И тотчас убедился в правоте предположения: шар, подлетев к его домику, завис прямо над ним. По веревочной лестнице оттуда стал спускаться полицейский надзиратель Алтуфьев.

Кобылин поспешил к нему.

– Ваше высокородие, – взял под козырек подчиненный, когда оказался на твердой земле. – Убийство.

– Бог мой! – воскликнул Кобылин.

За пять лет, что он руководил сыскным, считай, первое.

– Где? Кто?

– В Купчино, какой-то процентщик.

Управляемый воздушный шар – самое быстрое средство передвижения. И очень дорогое, только богачам да государственным учреждениям доступное. Небольшой паровой котел позволяет шару «идти» и в отсутствие ветра, и даже когда тот не попутный. Перекрестившись (он до смерти боялся на нем летать), Кобылин поднялся в корзину, поприветствовал следственную команду: фотографа, врача-эксперта, делопроизводителя – и отдал приказ капитану судна править в Купчино. Ветер благоприятствовал, потому через каких-то сорок минут приземлились у десятиэтажного доходного дома, подвал которого занимала лавка процентщика.

Труп был найден по чистой случайности. Экономный домовладелец, проходя мимо запертой на ночь лавки, заметил в окнах свет и, опасаясь пожара, вызвал околоточного. Дверь вскрыли: в подсобном помещении у огромного несгораемого сейфа обнаружили мертвое тело.

Коронат Сакердонович Перепетуя, так звали убитого, происходил из крестьян и большую часть жизни трудился на земле. Однако пять лет назад скоропостижно скончался его дядя-процентщик, и лавка неожиданно-негаданно досталась ему. Роста покойный Перепетуя был среднего, строение тела имел жилистое, глаза его, не успевшие смежиться после неожиданного удара сзади, показались Кобылину в свете свечи серыми, хотя могли быть и голубыми, левую, повернутую к сыщикам щеку покойника украшала крупная бородавка.

– Убит округлым, вероятнее всего, металлическим предметом, – вынес заключение доктор.

– Лом? – уточнил Кобылин.

– Или ломик, – изрек эксперт.

– В чем разница?

– Ломик маленький, в рукаве шинели легко спрятать.

Сейф вскрыт не был, из многочисленных витрин разбита всего одна.

Кобылин подошел к конторке, подергал ящики: заперты. Приказал надзирателю Алтуфьеву обыскать покойника. Связка нашлась в левом кармане панталон.

– Никак от сейфа? – удивился Алтуфьев, указывая начальнику на самый большой с многочисленными «зубками» разной длины и толщины ключ. – Откроем?

Предложение подчиненного Кобылин счел дельным. Раз заклады в витринах, считай, не тронуты, значит, преступник на сейф нацеливался. Если, конечно, ограбление замышлял, а не убийство. Однако в сейфе нашлось все, что должно было быть согласно описи. Ни дорогие сережки с бриллиантами, ни кольцо с индийским рубином преступника не заинтересовали.

Убийство из ревности или мести? Или наследник устал ждать, пока Перепетуя преставится?

Нет, выводы делать рано, сперва надо сверить остальные заклады. Вдруг из разбитой витрины что-то пропало?

Кобылин вернулся к конторке, перебрал связку, подобрал ключ к ящикам. В правом на самом верху обнаружил роман позабытого писателя Достоевского «Преступление и наказание». Сыщик припомнил, что сей автор в юности слыл либералом, даже на каторгу за убеждения угодил. Но потом переметнулся в другой лагерь и свой талант, так ценимый Белинским, профукал, воспевая реакцию».

У Сергея Осиповича сжались кулаки. Да как Гуравицкий посмел написать подобное об обожаемом Федоре Михайловиче?

Он не знал, что автор нарочно написал гадость про Достоевского, чтобы его разозлить.

«Судя по конторским книгам, в разбитой витрине хранились самые грошовые заклады. Что сие значит? А то, решил Кобылин, что их украли, дабы запутать следствие.

– «Преступление и наказание»? – удивился судебный врач, заметив пухлый томик на конторке.

– Наверное, тоже заклад, – предположил Кобылин. – Книга-то старинная, девятнадцатого века.

– Очень это странно.

– Что именно?

– Разве не читали? Если отбросить философствования и сократить натуралистические описания, вполне себе криминальный роман: некий студент убивает старуху-процентщицу, дабы вернуть копеечный заклад.

– Процентщицу?

– Вот именно. Боюсь, книга тут неспроста. Наверное, покойник, – врач указала на прикрытого простыней Перепетуя, – о чем-то догадывался и оставил нам подсказку.

– Или убийца, – сам себе сказал Кобылин.

Он приказал кликнуть домовладельца. Когда тот явился, расспросил о лицах, чьи заклады были украдены из разбитой витрины, зачитав их имена по учетной книге. Все они домовладельцу были знакомы, каждого охарактеризовал положительно. Лишь один, студент Петр Кукелев, удостоился нелицеприятных слов:

– Погибший человек. Спился от несчастной любви. А какой был умница, на одни пятерки учился. Потому рука не подымается его выселить. Чего-то жду, на что-то надеюсь... Но позвольте, что Кукелев мог заложить? Пропил буквально все.

– Крестик нательный.

– Бог мой. Как же Коронат Сакердонович посмел в заклад его принять? Хотя понимаю, отлично его понимаю... Мы тут все свои, рано или поздно Перепетуя крестик Петеньке вернул бы. А вот если разозленный его отказом Кукелев пошел бы к другому процентщику, крестик сгинул бы.

– В какой квартире ваш Петенька живет?

– В каморке на чердаке.

Поднялись туда. За фанерной дверью слышали беспокойный пьяный храп. Как ни стучали, разбудить Кукелева не удалось, пришлось вышибать дверь.

В тесной каморке воняло немытым телом, перегаром и гнилым репчатым луком – единственно доступной пьянице едой. Рядом с грязным матрасом валялся окровавленный ломик, вокруг которого на полу были раскиданы исчезнувшие заклады. Невыкупленный у Перепетуи крестик украшал шею убийцы.

Шатающегося студента вывели под руку и посадили в тюремную карету, которую Кобылин вызвал срочным телеграфом.

Когда Кукелева увезли, стоявший на другой стороне широкого Дунайского проспекта человек в черном ватерпруфе зловеще усмехнулся и прошептал:

– Первый враг мертв. Но пусть за это пока посидит другой, порочный, потерявший человеческий облик алкоголик. А меня ждет враг номер два».

Под текстом, в скобках чернела угрожающая надпись: «Продолжение следует».

На Разруляева нахлынули воспоминания...

Глава 2, в которой первую главу пытается прочсть вслух Гуравицкий

*Воскресенье, 14 августа 1866 года,
Новгородская губерния, усадьба Титовка*

Инспекция винокуренного заводика не задалась с самого начала. По выезду из Титовки отлетело колесо, а когда наконец его приладили, занялся дождик. В надежде переждать Разруляев приказал кучеру Дементию свернуть с шоссе в село Подоконниково. Предполагал провезти в нем час, не больше, но там и заночевал, потому что дождик оказался предвестником бури – до самого утра грохотал гром, разящими клинками разрезали небесный свод молнии, ураганный ветер, словно пушинки, выкорчевывал вековые деревья, завалив в итоге лесную дорогу. Нет бы Разруляеву повернуть назад. Вместо этого Сергей Осипович нанял утром местных мужиков, чтобы ехали впереди его тарантаса и разбирали завалы.

В итоге вместо задуманного понедельника Разруляев прибыл на заводик в среду. И задержался дольше, чем рассчитывал: в учетных книгах обнаружил неточности, пришлось докапываться, злонамеренные или нет, закончил инспекцию лишь к вечеру субботы. Если возвращаться в тарантасе, он прибудет в Титовку только в воскресенье вечером. И тогда точно не успеет на званный обед в честь именин Ксении Алексеевны, на котором должны объявить об их помолвке.

Еще неделю назад Сергей Осипович и мечтать о таком счастье не смел. Судите сами: ей восемнадцать, ему сорок три, она – совладелица поместья, он – всего лишь управляющий, Ксения – красавица, Разруляев – неуклюжий толстяк, даже в молодости не вызывавший интерес у женщин. И все же он надеялся. И чудо свершилось. Перед самым отъездом на заводик брат Ксении Александр Алексеевич неожиданно его спросил:

– Скажи честно, Ксения тебе нравится?

Разруляев смутился, ответил уклончиво:

– Кому она не нравится.

– То бишь влюблен по уши?

Сергей Осипович виновато кивнул.

– Почему с предложением тянешь?

– Кто? Я? – оторопел Разруляев.

– Ну не я же, – добродушно улыбнулся в пышные усы Шелагуров.

– А она?.. Ксения... разве примет?

Александр Алексеевич потрепал робкого управляющего по плечу:

– Примет, примет.

– Вы спрашивали?

– Сорока на хвосте принесла.

– Тогда... прямо сейчас...

– Постой, чудак, успеется. А то на радостях Ксения никуда тебя не отпустит. А дела, сам понимаешь, превыше всего. Давай-ка ты руку с сердцем предложишь по возвращении. А на именинах объявим.

Разруляев уехал из Титовки окрыленным. И если бы не гроза, давно бы вернулся и объяснился. Что же ему делать? Решился ехать верхом. Кучер Дементий пытался отговорить его от опасной затеи: дорога-то предстояла через лес, ночью. Но Разруляев от его резонов отмахнулся: будь что будет. Всю ночь от каждого шороха душа его уходила в пятки. Но волки, несмотря на

полнолуние, по пути не встретились. И к восьми утра Сергей Осипович целым и невредимым добрался до Подоконникова. Позавтракав, лег вздремнуть. В полдень сотский Петр Пшенкин, в доме отца которого Разруляев остановился, его разбудил. Сергей Осипович оседлал отдохнувшего Приказа и поскакал в Титовку. Верст за пять до нее свернул в лес, чтобы нарвать ромашек: Ксения очень их любила. Коня привязывать не стал, решил – пусть травку щиплет. А зря – слышав с шоссе знакомое ржание, Приказ рванул обратно.

– Тпру. Стоять! – закричал Сергей Осипович.

Но коня и след простыл.

Пришлось нестись за ним вприпрыжку. Не приведи господи, потравит рожь. Однако, выбежав на шоссе, Разруляев с облегчением перевел дух: беглеца без него поймали и даже привязали к дереву. Рядом с ним перебирали копытами хозяйские кобылы: Незабудка, Констанция и Ласточка. Вытерев пот с лица, Сергей Осипович направился к спешившимся хозяевам. Но, подойдя ближе, понял, что обознался: молодой человек с зачесанными по последней моде назад русыми волосами, которого издали принял за Шелагурова, был ему незнаком.

Заслышав поступь Разруляева, незнакомец обернулся, смерил оценивающим взглядом и, панибратски толкнув Мэри, жену Александра Алексеевича Шелагурова, спросил:

– Это еще что за чучело?

Мэри, сложив веер, которым обмахивала Ксению (неужели с любимой что-то приключилось?), процедила:

– Вот и управляющий, легок на помине.

– Это ваш управляющий? – удивился незнакомец.

Мэри развела руками, мол, сама поражена. Тут и Ксения встрепенулась, подняла опущенную вниз голову. Как же хороша!

– Сергей Осипович, слава богу, вы живы, – обрадовалась она. – А где ваш тарантас? Почему Приказ под седлом?

– Доброе утро, – приподнял картуз Разруляев. – Боялся опоздать на ваши именины, потому поехал верхом.

– Верхом? – снова удивился незнакомец. – А я думал, бегаете наперегонки с конем.

Дамы рассмеялись. Сергея Осиповича шутка незнакомца, обозвавшего его чучелом, покорила, но из приличия и он изобразил улыбку:

– Ну что вы...

– А зря, – перебил его молодой человек. – Бегать полезно, особенно при вашем ожирении.

Снова взрыв хохота. Разруляев сжал кулаки, но на рожон лезть не стал, попробовал объяснить, не столько незнакомцу, сколько Ксении:

– Я спешил, буквально на минутку.

– В кусты захотелось? – снова перебил его незнакомец.

Мэри схватила за животик. А Сергей Осипович взорвался:

– Да что вы себе позволяете? Кто вы такой?

– Я-то? – переспросил незнакомец с наглой ухмылочкой. – Андрей Дмитриевич Гуравицкий, кузен нашей очаровательной Мэри. Приехал на именины несравненной Конкордии Алексеевны, но из-за вашего разгильдяйства чуть было не очутился на ее похоронах.

Ксению на самом деле крестили Конкордией, но так ее никто не называл.

– Не делайте из мухи слона, – подарив Гуравицкому обворожительную улыбку, попросила Ксения. – Я отделалась легким испугом.

– А могли упасть и разбиться. Я... я этого не пережил бы, – сказал Гуравицкий.

– Да что случилось? – спросил вконец перепугавшийся Разруляев.

– А-а, ерунда, – отмахнулась Ксения.

– И все же...

– Мы ехали, болтали, я отпустила поводья, буквально на миг. И тут из леса выскочил Приказ. Прямо на меня. Незабудка испугалась, взвилась в свечку, я с трудом удержалась за гриву.

– Благодарите бога, что барышня не упала, господин управляющий. Если бы Ксения разбилась, порвал бы вас на куски этими самыми руками. Все, свободны. – Гуравицкий демонстративно развернулся к дамам, давая понять, что разговор с Сергеем Осиповичем окончен. – А не устроить ли нам скачки?

– С превеликим удовольствием, – поддержала его Мэри.

– Я тоже не против. – Ксения подошла к Незабудке, чтобы отвязать, но кобыла, увидев ее, встала на задние копыта и заржала.

Ксения в ужасе отпрянула. Гуравицкий подбежал, обнял ее. Прижавшись к его груди, она доверчиво прошептала:

– Я боюсь.

Разруляев тоже кинулся к возлюбленной:

– Не надо, не стоит. Незабудка пытается извиниться. Лошади умные. Незабудка переживает, что вы могли упасть по ее вине.

– Вы что, по-лошадиному понимаете? – осадил его Гуравицкий. – Если так, прикажите своему коню больше не убегать. Конкордия Алексеевна, вы абсолютно правы, нельзя садиться на лошадь, которая едва вас не убила.

– Хочешь, поменяемся, уступлю тебе Констанцию? – предложила Ксении Мэри.

Та кивнула. И через минуту, отвязав лошадей, молодые люди ускакали.

А Разруляев побрел к Приказу. Тот ткнулся мордой в его плечо: мол, извини, сам не рад, что так вышло. Сергей Осипович расплакался.

Науками Мэри не мучили, обучили языкам да танцам, что вполне достаточно для жизни, которая ей предстояла, где бал сменялся маскарадом. Но однажды ее батюшка прикупил каких-то акций, а уже через месяц они ничего не стоили. От отчаяния родителяхватила грудная жаба, и он почил в бозе. А Мэри стали шептать вслед: «Бесприданница». Кто с сочувствием, кто с сожалением, кто с нескрываемой радостью. И хотя красива была по-прежнему и танцы в ее бальной книжке, как и раньше, были расписаны заранее, с визитами теперь никто не являлся. Да и куда? Назвать домом жалкую квартиру с окнами во двор язык не поворачивался.

И вот как-то в театре (родственница из жалости изредка уступала им с матушкой свою ложу) Мэри почувствовала на себе взгляд. Серьезный, заинтересованный. Судя по дороговому сюртуку с бархатным воротником и галстучной булавке с бриллиантами, внимательно изучавший ее незнакомец был при деньгах. Только вот и сюртук, и галстук на нем уже года три как вышли из моды. Значит, провинциал, помещик из захолустья. Да и пусть, почему, собственно, нет, раз столичные женихи воротят от нее нос? Мэри приветливо улыбнулась. Незнакомец кивнул, а в антракте, отыскав общих знакомых, был представлен:

– Александр Шелагуров.

Без всяких признаний было понятно, что влюблен и что ему глубоко плевать, есть ли у Мэри приданое. Тем и подкупил. За прошедший со смерти отца год Мэри невыносимо устала от бесконечных счетов и ломбардных квитанций, от клейма неудачницы, от многозначительных взглядов таскунов с тугими бумажниками, что терпеливо ждали, когда от отчаяния согласится на бесчестие.

Шелагуров сделал предложение, Мэри его приняла. Планы будущего супруга жить деревенской жизнью ее не испугали. Была уверена, что станет вертеть им с той же скоростью, что матушка покойным отцом, и за лето убедит перебраться в столицу. А лето... Почему бы не провести его в имении? Та же дача, только чуть дальше.

Однако деревенская жизнь Мэри разочаровала сразу. Из развлечений лишь супружеская постель. Муж целыми днями пропадал на полях, а местное общество состояло из старичков со старушками. Мэри заскучала и, не дожидаясь осени, стала капризно требовать переезда в Петербург. Однако Александр Алексеевич оказался совсем из иного теста, нежели папенька. Несмотря на чувства, прихотям жены потакать отказался. Твердо заявил, что жизнь в столице им не по карману. А против скуки велел засучить рукава и приступать к обязанностям: командовать садовниками и птичниками, распоряжаться кухней и заготовками.

Мэри люто возненавидела и мужа, и его Титовку. Неужели оставшуюся жизнь ей предстоит провести здесь? Будь у нее деньги хотя бы на железнодорожный билет, она сбежала бы. Лучше пойти в содержанки, чем прозябать тут. Но муж не давал ей ни копейки. Зачем? Где их здесь тратить?

Так прошли два бесконечных года, которые, останься в столице, могли бы стать лучшими, самыми яркими в жизни Мэри. Надежда выбраться из Титовки забрезжила лишь этой весной, когда из пансиона вернулась Ксения, сестра мужа.

В здешних болотах путного жениха ей не сыщешь: дворянская молодежь после реформы из поместий разбежалась. И хочет того Шелагуров или нет, грядущую зиму им предстоит провести в Петербурге (а хоть бы и в Москве) на «ярмарке невест».

К удивлению Мэри, Ксения ее идею высмеяла:

– Где-где будем искать мужа? На балу? Вот еще. Это словно коня покупать на базаре. Кто знает, какой окажется у него характер? Вдруг книг не читает?

– Кто? Конь?

– Жених. О чем мне с таким разговаривать?

– Тогда выходи за Разруляева, – пошутила Мэри. – Все жалованье на книги изводит. Лучше бы eau de Cologne купил.

Она терпеть не могла управляющего. Потный, неопрятный, с отвратительно блестящей, будто жиром намазанной, лысиной, располневший.

– Отличная идея! – подхватила шутку Ксения. – Все лучше, чем за кота в мешке.

– Ты что? Он же нищий.

– Как и ты. Но ведь брату сие не помешало? – Выкрикнув эти ужасно обидные слова, Ксения повернула Незабудку к дому и даже не оглянулась.

Тем же вечером Мэри в который раз попыталась убедить мужа зимовать в Петербурге.

– Не то Ксения за Разруляева выскочит, – пригрозила она.

Но, к ее удивлению, перспектива породниться с собственным управляющим Александра Алексеевича очень обрадовала:

– Даже мечтать о таком не смел.

Мэри чуть дара речи не лишилась. Неужели в этом доме все сошли с ума?

– Как прикажете вас понимать? У Разруляева ветер в карманах.

– Зато масса других достоинств.

– Каких? Дед его был крепостным.

– Зато отец выслужил потомственное дворянство. И не за столом, в присутствии, а на поле брани. И после верой-правдой служил нашей семье. Сергей Осипович родился и вырос в Титовке, обожает эти места. Кто-кто, а он никогда не продаст свою половину.

– Какую половину?

– То бишь половину Ксении. До ее замужества ею управляю я. Но после станет распоряжаться супруг. Если им окажется чужак, кто знает, не продаст ли?

– Вам-то что за беда? От лишних хлопот избавитесь.

– А заодно и от доходов. Если посевные площади сократятся вдвое, семипольный оборот станет невозможен. А это единственный способ получить с этих земель хоть что-нибудь. Тогда и нашу половину придется продать.

Лучше бы Александр Алексеевич подобных слов не говорил. Они окрылили Мэри. Если Шелагуров продаст свое чертово имение, они точно отсюда уедут. Пусть даже не в Петербург, пускай в Новгород. Какая разница! Дело оставалось за малым – в кратчайшие сроки найти для Ксении жениха, который сразу после свадьбы продаст доставшуюся ему половину имения.

– Сергей Осипович с Ксенией объяснились? – уточнил у супруги Александр Алексеевич.

– Надеюсь, нет.

– Надо их подтолкнуть друг к другу.

– Да вы с ума сошли.

Мэри быстро определилась с кандидатом в женихи, припомнив, что в одном из последних писем матушка сетовала на бедственное положение племянника. После окончания гимназии Гуравицкий отказался от военной карьеры и поступил в университет, откуда его выперли из-за участия в беспорядках. Андрей попытался продолжить учебу в Москве, но из-за политической неблагонадежности ему и там отказали. В отчаянии укатил за границу, нанявшись переводчиком к какому-то купчине. И словно в воду канул. В конце шестидесят третьего года Ольга Семеновна Гуравицкая получила неподписанное письмо, в котором сообщалось, что ее сын трагически погиб. Но когда, где и при каких обстоятельствах – об этом сказано не было. Ольга Семеновна отказывалась верить анониму и в церкви сыну ставила свечи за здоровье, а не за упокой. Материнский инстинкт ее не обманул – через год Андрей вернулся живым и невредимым. А что без гроша в кармане, так это поправимо. Связи-то остались, в присутствие можно пристроить. Однако поступать на службу Андрей отказался, заявив, что планирует кормиться литературным трудом. Так и поступил, однако его гонорары не покрывали даже расходов на чернила.

В конце письма матушка осторожно спрашивала Мэри, а не желает ли Шелагуров посватать Ксению за Андрея? Тогда Мэри лишь посмеялась: планы ее были иными, но теперь стало не до смеха. Если Шелагуров выдаст Ксению за Разруляева, Петербурга ей не видать. Никогда.

Она сама написала Андрею. Пригласила на именины золовки, вкратце обрисовав диспозицию. В успехе кузена не сомневалась: тот с юных лет пользовался успехом у дам, сама в отрочестве сохла по нему. К тому же писатель. Ксению, любительницу почитать, сие сразит наповал.

Гуравицкий явился в Титовку утром, Шелагуровы как раз завтракали. Мэри изобразила удивление, Андрей подыграл. Ошарашенному появлением незваного гостя Александру Алексеевичу ничего не оставалось, как предложить новоявленному родственнику чувствовать себя как дома и уступить свою лошадь для прогулки.

Все шло по плану – Ксения влюбилась в Андрея сразу. И даже внезапное появление Разруляева ничего не испортило. Как же жалок был и смешон задыхающийся толстый человек, от которого сбежал конь.

После отъезда молодых людей Сергей Осипович вернулся в лес. Наученный горьким опытом, на этот раз Приказа привязал. Нарвав ромашек, снова оседлал коня и помчался в усадьбу.

Первым делом пошел доложить.

– Где тебя черти носят? – накинулся на него Александр Алексеевич.

– Гроза, завалы...

– Здесь такое... – начал Шелагуров, но, взглянув на напольные часы, сразу перешел к главному: – Объяснился?

– Только приехал.

– Ступай немедленно.

Пробежав по коридору второго этажа, Сергей Осипович постучался в комнату возлюбленной.

– Войдите! – крикнули оттуда.

Именинницу уже успели переодеть из амазонки в атласное синее платье, теперь горничная колдовала над ее прической.

– Сергей Осипович! – воскликнула Ксения, увидев управляющего в зеркале. – Как хорошо, что зашли.

– Хочу еще раз извиниться, Ксения Алексеевна...

– Не берите в голову. Я не упала.

– ...и поздравить с именинами. – Разруляев вытащил из-за спины букет.

– Ах, ромашки! – выразила восторг Ксения. – Мои любимые.

– С вашего позволения поставлю. – Сергей Осипович повернулся к прикроватному столику, где всегда стояла ваза. Но, о ужас, увидел в ней чужой букет. Необыкновенный! Дюжина, если не больше, невиданных им никогда темно-синих роз.

– Правда, прелестны? – спросила Ксения, по-прежнему наблюдавшая за Разруляевым в зеркале.

– Неужели Александр Алексеевич?

– Что вы! Мой брат – известный эконо́м. Конечно же, Гуравицкий.

Чтобы купить чудо-розы, Андрей заложил отцовские часы. Дела его шли отвратительно: солидные редакции его опусы отвергали, несолидные платили копейки. Письмо от полузабытой кузины с предложением очаровать неопытную барышню поступило как нельзя кстати. Ежели дельце выгорит, прощай опостылевшие криминальные романы (только их и печатали), можно засесть за нечто серьезное, что непременно прославит.

– Такие розы выращивают только в Императорском ботаническом саду, – сообщила Ксения. – А у Андрея там служит приятель. Продал по знакомству. Бешеных денег стоят.

– А по мне, так лучше васильков цветов не бывает, – высказался уязвленный Разруляев.

– Потому что платить за них не надо, – тихо, так, чтобы слышала только Ксения, прокомментировала горничная.

– Ты еще долго? – взвилась на нее барышня. – Сколько можно причесывать? Ступай.

– Как прикажете, – проворчала Фекла и с нескрываемым неудовольствием на лице, уж больно хотелось подслушать разговор, удалилась.

Когда закрыла дверь, Ксения бросилась к Сергею Осиповичу. Сердце его забилося. Неужели? Неужели поцелует?

– Сергей Осипович, миленький, как хорошо, что зашли.

– Не мог не поздравить, – сказал он, протягивая букет.

– Меня всю переполняет. – Ксения приняла цветы. – А поделиться не с кем. Мэри мне не подруга. А брат... Брат по-прежнему считает меня малышкой. Только вы здесь друг, мой единственный друг. – Она чмокнула Разруляева в щеку. – Только вам могу открыться.

– Весь во внимании, – сказал он, не в силах справиться с душившим волнением.

Сейчас судьба его решится. Что скажут эти восхитительные уста?

– Помните, мы обсуждали любовь? Что ее не бывает. Что любовь – мираж, фикция, выдумка писателей. Петрарка совсем не знал Лауру, за всю жизнь не обмолвился с ней ни единым словом. А Данте с Беатриче?

– Как же, как же, помню я эти рассуждения, конечно, помню, – обрадовался Разруляев. – Все эти авторы любили придуманный ими образ, а вовсе не живых женщин.

Сергей Осипович потратил много времени, чтобы внушить Ксении, что любви не существует. Потому что ничем привлечь юную барышню не мог: ни красотой, ни молодостью, ни богатством, ни положением в обществе. Знаменитую пушкинскую фразу: «Привычка свыше нам дана, замена счастию она» он повторял Ксении неустанно. А вдруг и она привыкнет к нему?

– А помните разговор про Джульетту? – продолжила мысль Ксения.

– Как не помнить? Вы обозвали ее... язык не поворачивается повторить.

– ...сучкой в разводке⁴, запах которой привлек кобеля Ромео. А вы покраснели. Да-да, будто институтка. Представить не могли, что знаю подобные слова. Так вот, Сергей Осипович. Мы ошибались. Любовь существует. Два взгляда встречаются, и все, взрыв. Весь остальной мир исчезает. Остаемся только Мы. Я и Он, что рождены друг для друга.

– И кто этот Он? – уточнил с придыханием Разруляев.

Но и сам уже догадался.

– Конечно, Гуравицкий! Я влюблена, Сергей Осипович, понимаете? Влю-бле-на. Так поздравьте, порадитесь за меня. И советую, нет, умоляю, поверьте в любовь. И тогда однажды, надеюсь и желаю, она посетит и вас.

Сердце Сергея Осиповича болезненно сжалось. Жизнь его была окончена. Всего каких-то пять минут назад он был полон надежд. И вот они растаяли «как сон, как утренний туман». И колени вдруг заболели. Покойный отец тоже ими мучился перед смертью. Значит, и у него она не за горами. И вправду, зачем теперь жить?

– Скажите, только честно, Андрей вам понравился? Да или нет? Только честно. Почему, почему молчите? А-а-а... Понимаю. Гуравицкий накинута на вас. Так несправедливо. Простите, простите его, заклинаю. Не со зла, из-за любви. Сильно за меня перепугался. Ведь это немыслимо, встретить наконец свою единственную и сразу потерять.

Перед глазами Сергея Осиповича летали предметы, звучал рояль, пел баритон. Вероятно, он сходил с ума.

В лазурные очи твои
Всю пылкость, все страсти души
Так сильно они выражают,
Как слово не выразит их.
И сердце трепещет невольно
При виде тебя!⁵

– Чу, слышите? – спросила Ксения, прижав палец к пухлым губам. – Это Гуравицкий. Поет в гостиной. Идемте, идемте же туда.

Пробежав по деревянной галерее, окружавшей гостиную по периметру, Ксения ступила на лестницу, но спускаться не стала, чтобы нечаянным скрипом не вспугнуть таинство, именуемое искусством.

Мэри аккомпанировала, а Гуравицкий пел, обращаясь к ней, и она подыгрывала ему не только пальцами, но и взглядом, изображая пылкую возлюбленную.

Люблю я смотреть на тебя,
Как много в улыбке отрады
И неги в движениях твоих.
Напрасно хочу заглушить
Порывы душевных волнений
И сердце рассудком унять.
Не слушает сердце рассудка
При виде тебя!

⁴ Текущей сучкой.

⁵ Слова П. Рын дина, музыка М. Глинки.

Разруляев не смотрел на исполнителей. Его глаза были прикованы к Ксении, лицо которой лучилось счастьем.

«Все кончено», – снова и снова шептал он себе.

С противоположной стороны галереи на дуэт взирал Шелагуров. По его лицу ходили желваки. Неужели его старания оказались напрасны?

Александр Алексеевич не был взбалмошным сумасбродом, коим считала его Мэри. Просто он не верил в супружескую верность, на что имел веские основания: в молодости, как и остальные холостые офицеры, волочился за чужими женами, и все они были не прочь украсить седины супругов ветвистыми рогами.

Потому, решившись на брак, сделал все возможное, чтобы начисто исключить адюльтеры: увез Мэри из Петербурга, разорвал отношения с теми, кто внушал опасения, и строго-настрого запретил жене приглашать в имение друзей и родственников. Незамысловатые попытки супруги вернуться в Петербург его лишь веселили, а бешенство, в которое Мэри приходила после его отказов, лишь усиливало его страсть.

Подобно шекспировскому Петруччо, Шелагуров намеревался окоротить строптивницу. И в успехе не сомневался – когда пойдут дети, Мэри воленс-ноленс придется смириться с выпавшей ей участью.

Увы, Александр Алексеевич не знал, что еще в нежном возрасте будущей супруге попался в руки переводной «Лечебник», в котором она вычитала ценный совет, как избежать беременности – не подпускать к себе мужа с тринадцатого по пятнадцатый день с начала истечений. Мэри успешно ему следовала: в оные дни жаловалась на мигрень и уклонялась от ласк. Отлично понимая, как ее «бездетность» расстраивает Шелагурова, даже попыталась воспользоваться ею в достижении своих целей – предложила обратиться к столичным докторам. Но Александр Алексеевич поступил иначе – отвез Мэри в Чудов монастырь на молебен. А когда обращение к Господу не помогло, отправился с женой к знахарке. Беззубая старуха долго читала какие-то заговоры, а потом истолкла в ступке порошок из сушеных муравьев и вороньего помета. Последние два месяца Шелагуров каждый вечер самолично разводил его в кипятке и заставлял жену пить вместо чая. По словам знахарки, беременность должна была наступить на днях.

В лазурные очи твои
Всю пылкость, все страсти души
Так сильно они выражают,
Как слово не выразит их.
И сердце трепещет невольно
При виде тебя!

Когда Гуравицкий закончил, раздались крики «Браво» и аплодисменты. Разруляев перегнулся через перила: кто посмел хлопать? Неужели слуги? Нет, оказывается, гости уже собрались.

– Браво, – подхватила Ксения и запустила в Гуравицкого букетом, который вручил ей Сергей Осипович.

Андрей, подпрыгнув, поймал ромашки и с благодарностью прижал к груди. Придерживая платье, Ксения поспешила вниз, чтобы поцеловать Гуравицкого в щеку.

Разруляев плакал редко, в последний раз на похоронах отца, однако сегодня слезы так и наворачивались на его глаза. Вот и опять две струйки потекли по щекам.

– Пошли, – буркнул ему Шелагуров.

– Не могу...

– Отказала?

Разруляев кивнул, указав на Гуравицкого.

– Ну нет, этому не бывать, – решительно заявил Александр Алексеевич. – Костями лягу. Пошли.

Когда спустился в гостиную, к нему ринулась помещица Беклемешева:

– Александр Алексеевич, вот вы где. Поздравляю с именинницей. И огромное вам grand-мерси за сюрприз. Как же ваш кузен славно поет.

– А еще он пишет романы, – сообщила ей Мэри.

– Что вы говорите?! Не может быть. А он нам почитает?

– Если попросите, – заверила Мэри.

– Непременно.

Шелагуров шепнул жене:

– Позвольте вас на два слова.

Они вышли в малую гостиную, Александр Алексеевич плотно затворил дверь.

– Я требую, чтобы ваш кузен уехал. Немедленно, – велел он.

– Почему?

– Думаете, не видел?

– Простите, что?

– Как вы облизывали друг друга глазами.

– Вздор. Я просто ему подыграла.

– А потом так же просто подымете юбку. Знаю я бабье сословие. Пусть убирается.

– А как же Ксения? Бедняжка влюблена.

– Вздор!

– Вы разобьете ей сердце.

– А вы хитрее, чем я думал. Хитрее и циничнее. Как вам мог прийти в голову такой чудовищный план – выдать Ксению замуж для того, чтобы изменять мне с Гуравицким.

– Вы бредите. Ревность окончательно свела вас с ума.

– Нет! Это вас свело с ума вождение. И если Гуравицкий тотчас не уедет, велю скинуть его с крыльца.

– Правда? Беклемешева будет в восторге. А завтра о вашем гостеприимстве узнает вся губерния. Пусть хоть отобедает с нами.

Дверь приоткрылась, и в ее проеме появились счастливые лица Ксении и Гуравицкого.

– Кушать подано! – хором прокричали они.

– Будь по-вашему, – буркнул жене Шелагуров. – Но после обеда ни минуты. Иначе я за себя не ручаюсь.

– Так вы идете? – спросила Ксения, с удивлением рассматривая злые лица родственников.

Выйдя в гостиную, Александр Алексеевич взял сестру под локоток и провел вдоль выстроившихся гостей:

– Гуравицкий тебе не пара, – сообщил он ей.

– Позволь-ка мне самой решать, – решительно заявила Ксения.

– Мой болван требует, чтобы ты уехал после обеда, – сказала Мэри, беря кузена под руку. – Придется тебе сделать предложение Ксении за столом.

– А если откажет? Нет, надо действовать наверняка. Посади меня с этой старухой... как ее...

– Беклемешевой?

Весь обед Гуравицкий солировал за столом. Рассказывал столичные сплетни, делился впечатлениями от заграничных путешествий, травил анекдоты.

Разруляев его не слушал. Рассеянно глотая кусок за куском, он размышлял, что ему теперь делать, куда податься. Кроме управления Титовкой, он ничего не умел делать, всю жизнь

(не считая гимназических лет) провел здесь. Однако, если Ксения выйдет за Гуравицкого, прежнему его существованию придет конец. Он просто не вынесет их счастья. Даже видеть, как переглядываются за столом (Шелагуров сел рядом с Ксенией, а Мэри с Гуравицким устроились напротив), было выше его сил. Наняться управляющим к кому-то из соседей? Почему нет? И Устинский, и Беклемешева охотно его возьмут на службу. Но тогда неизбежных столкновений с Ксенией не избежать. А не съездить ли ему сперва в Петербург, не навестить ли замужнюю сестру? Он мог бы отдохнуть там пару месяцев, успокоиться, а потом с новыми силами начать поиск места.

– Еще грибков? – склонился к Мэри лакей Фимка.

Та кивнула. Однако, когда нацепила на вилку очередной груздь, к ужасу своему сообщила, что, кроме грибов и малосольных огурцов, ничего сегодня не ела. Почему? Никогда ведь соленое не жаловала. Неужели знахаркино снадобье подействовало? У Мэри задергалось веко. Она стала судорожно вспоминать, когда в последний раз приходили истечения. Кажется, в день происхождения Честных Древ⁶. То бишь две недели назад. Но почему были столь скудными? Всегда как из ведра льет, а тут лишь помазало. И продолжались не три дня, а всего один. Неужто то были не истечения? Неужели она беременна? Вот и объяснение тошноте, что мучила ее по утрам, зря она грешила на простоквашу.

Господи, что ей делать?

Когда заканчивали десерт, Шелагуров подозвал Фимку:

– Пускай карету заложат.

– Ты уезжаешь? – удивилась Ксения.

– Так надо, – не стал пускаться в объяснения Александр Алексеевич, выразительно посмотрев на супругу: мол, пора твоему кузену и честь знать.

Мэри шепнула Гуравицкому:

– Карета для тебя.

Литератор наступил под столом на ногу Беклемешевой, как они с ней условились.

– Дамы и господа, – произнесла торжественно помещица. – Сегодня у нас два радостных, два необыкновенных события. Именины дорогой Конкордии и приезд юного петербургского дарования. Мы уже слышали, как господин Гуравицкий одарен вокально. Однако он еще и пописывает. Давайте попросим его прочесть что-нибудь из новенького.

На этих словах Беклемешева захлопала в ладоши. Собравшиеся ее поддержали. Гуравицкий, изобразив смущение, встал:

– Это огромная честь для меня. Я с превеликим удовольствием...

Шелагуров налился кровью. Ах так? На кривой кобыле вздумали объехать? Гневно взглянул на Мэри, но та лишь пожала плечами: я тут при чем?

Ксения встала следом за Гуравицким:

– Тогда давайте перейдем в гостиную. Я прикажу подать туда оршад и коньяк.

Гости дружно поднялись. Через минуту за столом остался один Шелагуров. Что ему делать? Ксения не скрывает, что влюблена в заезжего прощелыгу. Раскрыть ей глаза если и удастся, то далеко не сразу: слишком уж своенравна сестра, слишком наивна и глупа. Как же ее спасти от этого мерзавца? Как спасти себя?

Будь проклят Гуравицкий. Откуда он взялся? Никогда о нем не слышал... хотя нет, слышал. Да такое! Господи, как же он сразу не вспомнил? Надо срочно сыскать то письмо. Скорее в кабинет.

У лестницы на второй этаж его подждал Разруляев:

– Прошу прощения, Александр Алексеевич...

– Занят...

⁶ 1 августа по старому стилю, начало Успенского поста.

- На секунду.
- Хорошо, говори.
- Прошу принять отставку.
- Ты водки перепил? Что ты мелешь?

За столом Шелагуров заметил, что удрученный отказом Ксении Сергей Осипович не столько ел, сколько делал вид.

- Я не выдержу, не выдержу их счастья...
- Дай мне час. И клянусь, прохвост уедет отсюда в кандалах.
- Неужто преступник? Бедная Ксения! Это будет ударом...
- Это послужит уроком. Поймет наконец, что синица в руке много лучше, чем этакий журавель. Давай, давай, ступай к гостям...
- Лучше вас здесь обожду.
- Нет, ступай, за Гуравицким надо присмотреть.
- Чтобы не сбежал?
- Чтобы предложения Ксении не сделал. Позора потом не оберешься.

Помещик Устинский знал за собой слабость: если читали вслух – неминуемо засыпал. Дома-то ладно, все свои, но вот в гостях... Вдруг и здесь захрапит на всю Ивановскую? Потому во избежание конфуза решил затеять дискуссию: живой-то разговор в сон не клонит.

Гуравицкий тянул время, делая вид, что попивает коньяк. Где черти носят Разруляева? А вдруг вообще не придет? Что тогда? Рискнуть и вместо Разруляева спровоцировать на дуэль Шелагурова? Но как? Слабости Разруляева Мэри перечислила в письме: стыдится низкого происхождения, обожает Достоевского, ненавидит либералов. За обедом Андрей продумал вкрапления в текст, которые должны были привести Разруляева в ярость. А чем задеть Шелагурова? О нем доподлинно он знал лишь то, что тот ревнивец. Для достижения желаемой цели сие не подойдет. Ба! Так ведь и Шелагуров отсутствует в гостиной. Что же делать? Встать на колени перед симпатичной глупышкой и попросить руки? А вдруг откажет? Вдруг возьмет паузу на раздумье? Время-то тикает против него.

- Не опоздал? – уточнил Сергей Осипович, заходя в гостиную.
- У Гуравицкого с души отлегло. Ну, слава богу!
- Начнем? – спросил он у Ксении, севшей от него по правую руку.
- Брата надобно подождать.
- Александр Алексеевич занят, просил начинать без него, – сообщил Разруляев.
- Отлично, – обрадовался Гуравицкий, раскрывая толстую тетрадь. В присутствии Шелагурова пришлось бы действовать тоньше. А без него можно было и нахрапом. – «Убийца из прошлого». Хроники петербургской сыскной полиции за 2016 год», – прочитал он.
- Какой-какой год? – с ходу перебил Гуравицкого Устинский.
- Все верно, не ослышались, две тысячи шестнадцатый, – подтвердил автор.
- От сотворения мира? – предположил помещик.
- Нет, конечно, от Рождества Христова. На радость публике я соединил в новом романе два самых модных жанра, фантастический с криминальным. Скрестил, так сказать, Жюль Верна с Чарльзом Диккенсом.
- Давно пора, – одобрила дерзкий замысел Беклемешева, хотя имена обоих писателей она слышала впервые.

– Итак, глава первая: «Лишь только Солнце покинуло небосвод, над столицей вспыхнуло другое светило, электрическое. Циклопических размеров башня, на которой оно крепилось, была выстроена почти столетие назад на Пулковских высотах, из-за чего обсерваторию, издавна там обитавшую, перенесли за 140 верст в Лугу, где свет искусственной звезды не мешал астрономическим наблюдениям.

Главный детектив-инспектор петербургской полиции Кобылин выглянул в окно. Убедившись, что на Большой Морской уже включили иллюминацию, засобиравшись домой. Дела на службе его не держали, потому что их не было. И не было давно. За прошедшие с судебных реформ сто пятьдесят лет Образование и Просвещение преступность искоренили почти полностью.

Зачем воровать, если можно честным трудом заработать?»

– Позвольте, – всплеснул руками Устинский, – вы что там предлагаете? Мужиков, что ли, грамоте учить?

– И баб тоже, – кивнул Гуравицкий.

– Всех?

– Разумеется.

Помещики загудели.

– А землю кто будет пахать? – возмутился один из них, по фамилии Брыскин.

– Грамотный мужик, что отрезанный ломоть, – вторил ему Устинский. – Рук больше пачкать не желает, ему место писаря подавай.

– Или сотского, – поддержал соседа Брыскин.

– В общем, я поехала, – встала разгневанная Беклемешева. – Не желаю такого чтения. Думала, про любовь пишете заграничную. Про султанов, гаремы, тайны парижские. А как мужиков развратить, без вас знаю. Прощайте.

– И мне пора, – обрадовался Устинский.

Первым-то уходить со званого обеда неприлично, а вот когда и другие готовы откланяться, неприлично уже оставаться.

Гуравицкий растерялся:

– Степанида Матвеевна, Петр Ефимович, постойте, – бросилась к ним Ксения. – Дальше будет интереснее.

– Откуда знаешь? – с подозрением уставилась на нее Беклемешева.

Ксения смутилась:

– Андрей разрешил предварительно ознакомиться. Только представьте, в будущем железные дороги поднимут вверх, над землей, чтобы не мешали земледелию. А еще...

– Откуда господину Гуравицкому про это знать? – отмахнулась Беклемешева. – Будущее покрыто мраком, и ведать о нем никто не может.

– А тут ошибаетесь, Степанида Матвеевна, – перебил ее Устинский. – Помните, Феофану Ивановичу цыганка нагадала, что мельница у него сгорит? Месяца не прошло...

– Не будьте столь наивным, Петр Ефимович. В подобную чушь могли поверить только вы да взяточник-исправник. Феофан Иванович сам свою мельницу и поджег ради страховки.

– Не соглашусь с вами, Степанида Матвеевна, это на Феофана недоброжелатели клеветают. Если хотите знать, я свою жизнь на кон поставил, лишь бы доказать невиновность Феофана Ивановича.

– Неужто опять пари заключили? – округлила глаза Беклемешева. – Куда только ваша супруга смотрит?

– Не пари, Степанида Матвеевна. Говорю же, жизнью рискнул. Поехал к той цыганке и попросил нагадать, когда пред Господом предстану.

– Господи, помилуй, – схватила за шляпку Беклемешева. – И охота вам страсть такую знать? Лучше бы про дожди спросили: будут в сентябре или нет?

– Сказала, помрешь ты, Петр Ефимович, в одна тысяча восемьсот шестьдесят девятом году от холеры. Если оно так и случится, значит, одну лишь правду она предсказывает, и Феофан Иванович кругом невиновен.

Гуравицкий решил напомнить о себе:

- Огорчу вас, Петр Ефимович. От холеры умереть вам уже не удастся.
- Это почему?
- Знакомец у меня в Обуховской больнице практикует. Признался по секрету, что изобрели они от холеры прививку и даже успели опробовать. Гарантирует стопроцентный результат. Гуравицкий знать не знал, что знакомец над ним спяну подшутил.
- Готовы спорить? – обрадовался Устинский.
- Вот моя рука.
- А вот моя.
- Надо бы разбить. Эй, как там вас? Два-с-Руляев...
- Моя фамилия Разруляев. – Сергей Осипович вскочил, разгневанный очередной выходкой литератора.
- Раз или два-с – разница невелика, – заявил Гуравицкий.
- Собравшиеся дружно рассмеялись.
- Ну же, разбейте, – поторопил управляющего Гуравицкий.
- Сперва извинитесь, – потребовал Сергей Осипович.
- Утром в лесу он сдерживался из-за Ксении. Теперь, когда надежд на их брачный союз больше не осталось, не было причин сносить оскорбления Гуравицкого. Тем более при помещиках, к которым вот-вот пойдет наниматься на службу.
- Вы разве дворянин, чтобы я извинялся? – уточнил Гуравицкий, стараясь не показать радости на лице. Кажется, его план сработал. Теперь Ксения согласится без всяких раздумий в присутствии двух десятков свидетелей, расположением которых дорожит ее брат. А главный соперник будет изгнан с позором.
- Дворянин.
- Но дед ваш, кажется, лакействовал. Да и вы заняты тем же самым. Ваше место на кухне. Что вы позабыли в компании приличных людей?
- Отец его, хоть и герой, место свое знал, – поддакнула Беклемешева. – Кланялся при встрече, шапку сдергивал. А этот, будто ровня, садится за стол.
- Пшел вон, – прикрикнул на управляющего литератор.
- А где Шелагуров? – тихо спросил Устинского Брыскин.
- Тот пожал плечами, внимательно наблюдая за Разруляевым. Чем, интересно, ответит?
- А Мэри наслаждалась. Эх, поскорее бы продать эту проклятую усадьбу и навсегда вычеркнуть из памяти всех этих Устинских, Брыскиных, Беклемешеву, а заодно и Шелагурова.
- Фимка, перчатку, – приказал Разруляев.
- Лакей, не мешкая, ее сдернул.
- Стрелять-то умеете? – уточнил Гуравицкий.
- Скоро в этом убедитесь, – пообещал Сергей Осипович.
- Все затаили дыхание, даже Фимка перестал сопеть. Управляющий скомкал перчатку и бросил в обидчика.
- Что Разруляев преотлично стреляет, Гуравицкий знал, спасибо Мэри. И что фехтовать не умеет, тоже.
- Поверю на слово. Вызов сделали вы, – заявил литератор, поймав на лету перчатку и отбросив ее лакею, – следовательно, оружие выбираю я. А я всегда предпочитаю шпагу.
- Сергей Осипович побледнел. В руках ее не держал.
- Слава богу, – перекрестилась Беклемешева. – Пуля-то дура.
- Господа, вам придется стать нашими секундантами, – обратился к помещикам Гуравицкий.
- Извините, завтра очень занят, – пробормотал боявшийся всего на свете Брыскин.
- А кто собирается ждать до утра? Мы сразимся сейчас же. Эй, любезный, – Гуравицкий окликнул Фимку. – Принеси-ка шпаги.

Где же письмо, где? Сжечь или выкинуть прощальное послание лучшего друга Шелагуров не мог. Он ведь и сам бы мог погибнуть в том бою под Вильно, однако за пару лет до польских событий отца разбил апоплексический удар, и поручику Шелагурову пришлось уйти в отставку, чтобы принять на себя ответственность за имение и сестру.

Где оно? В какой из многочисленных связок, валявшихся в шкапу? Может быть, в этой? Александр Алексеевич достал из одного из конвертов пожелтевшие листки, пробежался по строчкам. Оно! И, слава богу, память его не подвела. Свинцов писал именно о нем, об Андрее Гуравицком. От радости захотелось петь. Шелагуров спрятал конверт в сюртук, подошел к столу, открыл ключом ящик, поглядел на лежавший там старинный пистолет. Прихватить или нет? Кто знает, что этакий субчик выкинет в ответ на обвинения?

В дверь постучали.

– Да, да, войдите.

– Александр Алексеевич, я знаю, как вы заняты, – начал издали Брыскин. – Но не мог не сообщить...

– Что случилось?

– Дуэль. Ваш кузен и Два-с... тьфу, привязалось, Разруляев.

Оттолкнув Брыскина, Шелагуров выскочил в коридор.

– Сходитесь, – скомандовал Устинский.

– Немедленно прекратить, – приказал с черного хода Шелагуров.

Разруляев отвлекся на его крик, и соперник тут же этим воспользовался, выбив из его руки шпагу.

– Гуравицкий, остановитесь, я приказываю, – еще громче воскликнул Александр Алексеевич, приближаясь к дуэлянтам.

– Да, да, как только убью, так сразу, – пообещал литератор.

Дамы ахнули. Разруляев присел, чтобы поднять шпагу, но Гуравицкий ему не позволил. Толкнув соперника сапогом в плечо, опрокинул навзничь и приставил острие к его горлу. Спешивший на помощь Шелагуров взмахнул пистолетом:

– Одно движение, и я стреляю, – предупредил он.

– Из такого старья с этого расстояния не попадете. А если приблизитесь, я его убью.

– Андрей, прошу вас, не надо, – взмолилась Ксения.

– Вот вам я подчинюсь... если согласитесь стать моею женой.

Гости пришли в восторг – такого даже в театре не увидишь.

– Ксения, не отвечай, сперва давай поговорим, – попытался образумить ее брат.

– Андрей, я согласна, – не желая слушать возражения, с ходу решила девица.

– Повезло тебе, Студень, – процедил сопернику Гуравицкий. – Но искушать судьбу тебе больше не советую. Мы ведь вместе не уживемся, согласен?

Разруляев моргнул, мол, да. Раскрыть рот боялся из-за острия, упертого в подбородок.

– Тогда оревуар, проваливай. Немедленно и навсегда.

Гуравицкий театральным жестом отвел от соперника шпагу и развернулся к публике, словно актер на поклонах. Вместо аплодисментов к нему бросилась Ксения.

– Фимка, шампанского, – приказал новоиспеченный жених.

Опешившего Шелагурова окружили с поздравлениями. Первым его порывом было достать письмо и зачитать. Но он сдержал порыв. Гуравицкий, как ни крути, близкий родственник жены. И, будь он не ладен, в настоящий момент жених сестры. Ознакомить гостей со скандальным письмом означало бы опозорить Ксению и всю семью. Лучше разобраться с Гуравицким после, по-тихому. Помолвка вовсе не брак, рвется с легкостью. А что вечный позор для невесты – теперь уже ничего не поделать, посудачат, забудут.

Когда в воздух вылетела пробка от шампанского, а собравшиеся прокричали «ура», Мэри подошла к мужу с бокалом и, многозначительно улыбнувшись, чокнулась. Александр Алексеевич пить не стал. Он, не пригубив, вернул бокал лакею и отправился на поиски Разруляева.

Но оказалось, тот уже отбыл, в той самой карете, что дожидалась Гуравицкого с обеда. По словам дворни, Сергей Осипович приказал кучеру отвезти его в Малую Вишеру. «Горе решил залить», – понял Шелагуров. На станции Малая Вишера поезда останавливались не на пять минут, как на остальных, а на полчаса, чтобы пассажиры могли отобедать. Потому тамошний буфет считался лучшим заведением в уезде, местные помещики частенько ездили туда покутить. Не вместе же с мужиками им в кабаках сидеть?

Взбодораженные неожиданными событиями, гости разъехались поздно. Когда проводили последних, Шелагуров попросил Ксению, Мэри и Гуравицкого подняться в его кабинет. Когда все расселись, достал из кармана письмо:

– Ксения, ты помнишь штабс-капитана Свинцова?

– Который звал меня невестой и смешно щекотал усами? Конечно, помню. Он, кажется, погиб?

– Да, при подавлении польского бунта. За день до гибели Свинцов участвовал в заседании Военно-полевого суда. Один из обвиняемых, изъяснявшийся почему-то на французском, показался ему знакомцем. Однако его имя ничего Свинцову не говорило. Штабс-капитан мучился весь день и только перед отбоем вспомнил, где встречал этого бунтовщика раньше – на балах в Петербурге. Он отправился в пакгауз, в котором приговоренных содержали перед казнью, и попросил привести негодяя. Разговаривали тет-а-тет. Бунтовщик запирается не стал, тоже признал Свинцова, объяснил, что назвался чужим именем, чтобы его матушка избежала афронта. И попросил штабс-капитана по возвращении в Петербург сообщить ей о его гибели. Естественно, без шокирующих подробностей. Мой великодушный друг пообещал. Но, увы, вернуться домой ему было не суждено. Как уже сказал, на следующий день вражеская пуля сразила его наповал. Предчувствуя скорую смерть, он написал мне перед боем это письмо. – Шелагуров достал листки из конверта. – И возложил на меня обязанность сообщить несчастной женщине о кончине ее непутевого сына. Отправиться лично к ней я так и не решился, побоялся наговорить лишнего, просто отправил письмо без подписи.

– Нет, не может быть! – схватила за щеки Мэри. – Александр, вы лжете. Андрей, скажи, что это клевета, неправда, ну скажи...

– Прости, если разочарую, мон ами, но твой муж прав, – невесело усмехнулся Гуравицкий. – Я и впрямь сражался в Вильно, был схвачен, приговорен к виселице. Меня спасло чудо. Ночью, уже после ухода Свинцова, в пакгауз попал артиллерийский снаряд и всем арестантам удалось сбежать.

– Хорошо, что не пытаетесь запирается. Надеюсь, понимаете, что я обязан сдать вас властям? – спросил Шелагуров.

– Александр, опомнись, – вскочила Ксения. Еще каких-то пять минут назад радость и счастье переполняли ее. Теперь на ее лице читались смутение и отчаяние. – Андрей – мой жених.

– Он государственный преступник, – напомнил сестре Шелагуров, в его голосе зазвучал металл. – Предал Родину, царя, убивал русских солдат.

– Да-с, убивал, – не стал спорить Гуравицкий. – Потому что русские солдаты сжигали польские деревни, насиловали женщин, вспарывали младенцам животы.

– Боже, какой ужас! – воскликнула Ксения.

– А кто просил их бунтовать? Им давно пора смириться, с раздела Польши сто лет прошло, – парировал Шелагуров.

– А русские под монголами жили двести. Что ж не смирились?

– Да как смеее сравнивать? С нами Бог и истинная вера. А что у поляков? Одни подстрекатели-англичане. Тем лишь бы нам нагадить. В своих-то колониях британцы бунтовать не позволяют, привяжут сипая к пушке, и гуд бай.

– Жестокости английские мне столь же противны, что и русские. Но у британцев, в отличие от нас, высокая цель: облагородить дикие племена, привить им основы цивилизации. Мы же, наоборот, пытаемся держать в покорности народ более цивилизованный, чем сами. Отсюда и бунты.

– Ну насмешили, Гуравицкий. Да разве поляки народ? Те же русичи, только зачем-то пшикают. Мы вот окаем, малороссы гыкают. По-вашему, и малороссы тоже народ?

Гуравицкий шел ва-банк. Опасался, что на каторге, куда Шелагуров его отправит, ему не выжить. Потому что русские каторжники приходится русским солдатам отцами и братьями, а он их в Польше безжалостно убивал.

Такого каторга не прощает. Потому опять решил спровоцировать дуэль. А вдруг и из этого поединка ему удастся выйти победителем?

– Да будет вам известно, первый польский университет был открыт, когда русские князья ползали по ордынским юртам, вымаливая ярлыки. Польские крестьяне поголовно грамотны и никогда не знали крепостного права. Оттого в домах у них чисто, а урожайность на полях больше в разы.

– Вы же не поляк, черт побери, откуда у вас такая ненависть к России? – воскликнул покрасневший от возмущения Шелагуров.

– Ненависть моя не к России. А к власти тьмы, что царит здесь. К казнокрадству, мздоимству, лизоблюдству, нежеланию жить в мире с соседями, неумению обустроить собственную жизнь, странным образом сочетающуюся с верой в собственную исключительность. Поверьте, не Богом мы избраны, а кем-то совсем другим.

– Заткнитесь. – Шелагуров схватил пистолет, который предусмотрительно положил перед собой и направил на Гуравицкого. – Я вам не Разруляев. Меня вывести из себя не удастся. Просто пристрелю как собаку.

Дрожащими руками он взвел курок. Но выстрелить не посмел – Ксения встала между ним и женихом.

– Не бойся, суд оправдает меня, – успокоил сестру Шелагуров. – Отойди.

– Он мой жених.

– Не дури. Ты не можешь считаться его невестой. Он преступник, приговоренный к смерти. Я лишь исполню приговор.

– Сперва тебе придется убить меня. – Ксения раскинула в стороны руки.

Гуравицкий встал, обнял невесту за плечи. Его отношение к Ксении переменилось за долю секунды. Из глупой обладательницы вожеленных денег она внезапно превратилась в самоотверженного преданного друга, готового на все ради него. О такой он и мечтать не мог.

– Не смейте трогать ее! – закричал Шелагуров.

– Опусти пистолет, – велела ему Ксения.

Они уперлись друг в друга взглядами. Первым отвел свой Шелагуров. Понял, что сейчас увещавать Ксению бесполезно – малышка вообразила себя героиней романа. Не стоило ей позволять столько читать.

Что же делать? Увы, придется сдать мерзавца исправнику. Гуравицкого, конечно, осудят, но, раз сбежал с виселицы, сбежит и с каторги. Жаль.

– Хорошо, будь по-твоему. – Шелагуров положил пистолет на стол. – Фимка, Фимка.

Лакей, не мешкая – пытался подслушать, да вот беда, господу ругались по-французски, – зашел в кабинет:

– Чего изволите?

– Отправь казачка за исправником.

- Слушаюсь.
- Нет, Фимка, стоять, – топнула ногой Ксения и опять перешла на французский: – Имей в виду, Александр, если выдашь Андрея властям, я отправлюсь за ним в Сибирь.
- Сбрендила?
- Я люблю Андрея. Неужели ты не хочешь, чтобы твоя сестра была счастлива?
- Разумеется, хочу. Но не с этой сволочью.
- Если желаешь мне счастья, порви письмо и забудь про него.
- И что тогда?
- Ксения пожала плечами:
- Мы поженимся.
- И я буду жить под одной крышей с изменником?
- Что ж, тогда я продам мою половину, и мы уедем.
- Мэри заметила, как у Шелагурова задергалось веко: Ксения, того не ведая, наступила брату на самую больную мозоль.
- Нет, дорогая сестрица, – вскипел Александр Алексеевич. – Не переоценивай мою любовь к тебе. Вербки из меня вить не позволю. Хочешь в Сибирь – скатертью дорога.
- Тогда тем более придется продать нашу половину, – подал реплику Гуравицкий, тоже вспомнив про ахиллесову пяту Шелагурова.
- Кузина о ней подробно писала. Как он мог забыть?
- Вот вы чего хотите? Этому не бывать. – Александр Алексеевич в ярости ударил кулаком по столу.
- Бежать за исправником или нет? – подал голос Фимка, дождавшись момента, когда все хозяева замолчали.
- Жди за дверью! – рявкнул Александр Алексеевич. – Гуравицкий, что вам важнее, свобода или Ксения?
- А вам? Правая рука или левая?
- Правая. С левой я хуже стреляю. – Шелагуров глазами указал на пистолет, лежавший перед ним. – Подумайте лучше о матери, переживет ли она ваше бесчестье? Я готов подарить вам свободу, но вы в ответ должны отказаться от сестры и дать слово, что уберетесь из страны навсегда. Вам здесь не место.
- Александр, умоляю, сжалься! – вскричала Ксения. – Я люблю его.
- А чтобы эта дурацкая любовь поскорее прошла, ты, как и собиралась, выйдешь за Разрулева.
- Я не собиралась за него, – возмутилась Ксения. – Кто сказала тебе такую глупость?
- Шелагуров посмотрел на жену:
- Ксения, дорогая, ты сама призналась, – напомнила ей Мэри.
- Господи, да я подшутила над тобой. Мне так осточертела твоя трескотня про офицеров...
- Неважно, пошутила Мэри или нет, – перебил сестру Шелагуров. – Я дал Сергею Осиповичу слово.
- Так заведи его назад, я выхожу за Андрея. В Сибирь так в Сибирь.
- Шелагуров, умоляю, дайте нам пять минут наедине, – попросил Гуравицкий.
- Еще чего? Вдруг вы ее изнасилуете?
- Ксения, я вас люблю. Но...
- Но? Что означает ваше но? – Ксения повернулась к литератору, из ее глаз брызнули слезы. – Вы отказываетесь от меня?
- Ваш брат прав. Моя мать не переживет позора. Я не должен, не имею права так с ней поступить. Я не достоин вас.
- Пустите меня, – обреченно попросила Ксения.

– Простите. – Гуравицкий опустил руки.

С поникшей головой Ксения подошла к стулу и в изнеможении опустилась на сиденье.

– Гуравицкий, вы подлец. Однако сейчас поступили правильно, – сказал довольный собой Шелагуров. – Фимка!

– Туточки я. – Лакей, как и в прошлый раз, появился без промедления.

– Беги на конюшню. Господин Гуравицкий нас покидает. Пусть заложат карету, да побыстрее. До станции поедешь с ним, проследишь, чтоб сел в вагон.

– Слушаюсь.

– Гуравицкий, у вас есть заграничный паспорт? – Александр Алексеевич снова перешел на французский.

Литератор кивнул.

– Даю вам неделю на сборы.

– Неделю? У меня ни копейки. – Литератор вывернул наизнанку пустые карманы. – Или предоставьте пару месяцев, чтобы рассчитались редакции, или одолжите...

– Я дам вам денег, – поднялась Ксения.

– Нет, я не смогу их принять. Я кругом виноват перед вами, – пролепетал Гуравицкий.

– Потому и хочу, чтоб скорее уехали.

С этими словами Ксения выбежала из кабинета.

– Отпустите и меня. – Мэри бросилась к мужу, упала перед ним на колени и молитвенно сложила руки. – Отпустите, как отпускаете Андрея. Так будет лучше для всех. Я вас ненавижу. Так зачем нам мучиться? Я заранее согласна на все ваши условия. И даже денег не прошу. Лишь на билет в третий класс.

Шелагуров перевел взгляд на Гуравицкого:

– Довольны?

– Простите, чем? – спросил Гуравицкий.

– Хватит притворяться. Думаете, не догадался, зачем явился, зачем околпачивали Ксению? Из-за Мэри.

И Шелагуров снова схватился за пистолет. Литератор попытался его урезонить:

– Послушайте, мы договорились...

Гуравицкий успел броситься на пол, но вряд ли бы это спасло ему жизнь, если бы не самоотверженность Мэри, которая успела толкнуть мужа. Он тоже упал, и выпущенная им пуля ушла в потолок.

– Что случилось? – спросила перепуганная Ксения, вбежав в кабинет.

– Они... они во всем признались, – прошипел Шелагуров. – Ты ничего не знаешь.

– И знать не желаю. Гуравицкий, берите конверт и ступайте на конюшню.

– Вы меня не проводите? – спросил он у бывшей невесты.

Ксения покачала головой.

Мэри сидела на постели, уставившись в одну точку. Она безропотно выпила принесенный Шелагуровым отвар.

– Снимайте сорочку, – велел ей муж.

Она смотрела на него с испугом. Что он задумал?

Шелагуров объяснил:

– После всего случившегося прежнего почтительного отношения вы больше недостойны. Теперь буду обращаться с вами как с уличной девкой. Снимайте сорочку.

– Потушите свечи, – пробормотала испуганная Мэри, глядя в безумные глаза супруга.

Тот расхохотался:

– Снимайте, не то порву. А теперь на колени. На колени, я сказал.

Вернувшись в кабинет, Шелагуров налил водки, подошел к зеркалу и чокнулся сам с собой. Он победил. Осталось лишь вернуть Разруляева. Куда он отправился? Наверное, в Петербург к своей сестре. Где бы узнать ее адрес? Александр Алексеевич откинулся на спинку кресла. И вдруг, словно его вытолкнула рессора, подскочил.

Письмо Свинцова. Где оно? Шелагуров бросился к столу: как в воду кануло. Он вытер испарину со лба. Кто его взял? Гуравицкий? Ксения? Мэри?

Позвать слуг, устроить обыск? Нет, лучше это сделать завтра, когда уедут на прогулку. Нет, завтра не получится – Успение Богородицы. По обычаю на этот праздник Шелагуровы ездят на службу в Подоконниково.

***Понедельник, 15 августа 1866 года,
Новгородская губерния, усадьба Титовка***

– Барыня с барышней готовы? – спросил за завтраком Александр Алексеевич.

– Нет, сказали, что не поедут, – доложил Фимка.

– Что за вздор? – возмутился Шелагуров, выдернул салфетку и поднялся к жене.

Мэри лежала в постели. Никогда он такой ее не видел: нечесаная, с опухшими глазами, кожа желтая, как у покойницы:

– Уходите, – взмолилась она. – Мне плохо. Прикажите таз принести.

– Как мне надоели ваши спектакли. А ну, встать. – Александр Алексеевич схватил супругу за руки, потянул на себя.

Мэри вырвало – и прямо ему на халат:

– Я же говорю, мне плохо. Позовите Фёклу.

Обескураженный Шелагуров в запачканном халате выскочил в коридор:

– Фимка, Фекла, где вас всех носит?

Горничная нашлась в столовой.

– Что, и вам, барин, плохо? – участливо спросила она, оглядев халат. – Ксению Ляксевну тоже выворачивает. Видать, грибки вчера подали несвежие.

Пришлось в Подоконниково ехать в одиночку.

Вернулся Шелагуров оттуда поздно – дела задержали.

– Как чувствуют себя барыни? – спросил он первым делом у Фимки.

– Много лучше.

– И где они?

– Уже почивают. Ждали вас, ждали, а потом легли. А вам депешу со станции доставили.

Фимка подал телеграмму на серебряном подносе. Шелагуров сел, чтобы лакей стащил с него сапоги, вскрыл телеграмму. Ага, от Разруляева. Тот сообщил, что поселился у сестры, просил по такому-то адресу перечислить остатки жалованья.

Шелагуров взглянул на часы. Если поторопится, успеет на курьерский. Разруляева надобно вернуть. А телеграммой всего не объяснишь.

***Понедельник, 15 августа 1866 года,
Санкт-Петербург***

Сергей Осипович очнулся в незнакомом полуподвале, лежа в чужой кровати, на которой, сидя к нему спиной, расчесывала длинные русые волосы какая-то толстуха. Разруляев попытался приподнять голову, но не смог, словно цепь электрическую между висками замкнули. Он застонал. Услышав стон, толстуха повернулась и ласково улыбнулась:

– Проснулись? Доброго дня. Может, рассольчика?

– Водки, – простонал Разруляев.

Баба, словно и не весила шесть пудов, легко спрыгнула с кровати, подбежала к обшарпанному буфету, достала графин с рюмкой, наполнила до краев и, не расплескав ни капли,

поднесла Сергею Осиповичу. Тот, преодолевая боль, оперся на локоть, другой рукой схватил рюмку, быстро выпил и в изнеможении откинулся на постель.

– Еще? – догадалась толстуха.

Разруляев кивнул. Процедура повторилась. Через несколько минут к Сергею Осиповичу стала возвращаться память. Сперва вспомнил дуэль. Потом как в карете осушил бутылку коньяка, прихваченную из гостиной. Но дальше зияла пустота. Ни как толстуху зовут, ни где с ней познакомились, ни как попал сюда, припомнить не смог. Кинул взгляд вверх, на маленькое окно под самым потолком. Ага, откосы-то кирпичные. А в Малой Вишере обывательские дома сплошь деревянные. Неужели до Петербурга добрался?

Память решил освежить еще одной рюмкой:

– Налей-ка еще.

– Нет-нет, без закуски больше нельзя. Платоша мой после третьей натошак буйствовать начинал. Хотите, яичницу сделаю?

Сергей Осипович кивнул.

– Какую любите? Болтунью, глазунью? Со шкварками али без?

Выросший в господском доме, Разруляев предпочитал с беконом, но, судя по полуподвалу, в котором обитала толстуха, про бекон она и не слыхала.

– Давай со шкварками.

– Сделаю мигом. А вы пока умойтесь. Исподнее ваше на стуле. Ужо постирала.

Только после этих ее слов Сергей Осипович осознал, что лежит нагим. А сама баба одета лишь в полотняную сорочку. «Проститутка», – решил он. Видимо, подцепил на Николаевском вокзале. Всегда их опасался из-за срамных болезней, но пьяному море по колено. Что ж, придется нанести визит врачу, провериться. Обрадованный, что все прояснилось, Разруляев натянул исподнее и, фыркая от удовольствия, умылся ледяной водой у рукомойника. Поискал глазами сорочку, панталоны, сюртук. Неужели проститутка постирала и их? Но проститутки не стирают клиентам белье. Кто она? И где его бумажник?

Толстуха вернулась с пышущей сковородой в руках:

– Садитесь, Сергей Осипович, угощайтесь.

– Где моя одежда? – спросил он строго. – Где бумажник?

– Одежа проветривается во дворе. Плохо вам стало в пролетке, запачкали ее, пришлось чистить. А бумажник под подушкой. Сами туды спрятали.

Разруляев кинулся к кровати. Слава богу, бумажник там. Но почему такой тощий? Уезжая из Титовки, Разруляев забрал все свои сбережения.

– А деньги где? – спросил он растерянно.

– Неужели не помните ничего?

По словам толстой бабы, познакомились они в кассе на станции Малая Вишера. Она вошла туда вслед за ним, но захмелевший Разруляев проявил галантность и пропустил ее к окошечку вперед себя. А когда услышал, что покупает билет в третий класс, заявил, что не позволит такой роскошной женщине мять бока на деревянной скамейке, и подарил билет в первый. Потом пригласил в буфет, где, на свою беду, встретил знакомых. Те выразили удивление попутчицей, мол, что за рвань ты подцепил? Разруляев возмутился, сказал, что никому не позволит оскорблять его невесту. Знакомые удивились еще больше, но, раз так обстоят дела, предложили отпраздновать помолвку. И до трех ночи, пока не подошел курьерский, Сергей Осипович их угошал. Ему едва хватило денег рассчитаться с буфетом. Наташка (так звали толстуху) с трудом дотащила его до вагона, где новоявленный «жених» завалился спать. А по приезде в Петербург с превеликим трудом его растолкала. Без посторонней помощи Разруляев не то что идти, стоять не мог, бросить его на произвол совесть ей не позволила, потому и привезла к себе.

Сергей Осипович долго изучал счет из маловишерского буфета, а, потом, не выдержав потрясения, заплакал. Нечто подобное (знакомый доктор назвал сие патологическим опьянением) уже с ним случалось – как-то, наклюкавшись в Новгороде, точно так же швырялся деньгами. Повезло, что всего двадцать рублей с собой было. Однако вчера в бумажнике лежала целая тысяча. А остался от нее рубль. Что ему теперь делать? Отдохнуть от трудов праведных, как планировал, уже не удастся. Придется умолять сестру, чтобы срочно пристроила на службу.

– Может, еще водочки? – предложила Наташка (так звали толстуху).

– Заткнись! – рявкнул Разруляев.

Наташка едва не расплакалась и, закусив губу, отвернулась. Сергей Осипович почувствовал угрызения совести – толстуха-то ни в чем не виновата. И кабы не она, еще неизвестно, где бы проснулся. Возможно, в канаве под забором. Надо бы ее отблагодарить. Но как? Денег-то не осталось.

– Прости. Я очень расстроен...

– Я пыталась вас удержать. Только не слушались. Кричали, что в семье командует муж, а жена должна слушаться.

Сергей Осипович схватился за голову. Вот ведь пьяный дурак. Наобещал с три короба, а бедняжка, видать, поверила. Как бы поделикатнее объяснить:

– Надеюсь, ты понимаешь... То была шутка. Я про женитьбу. И даже если что-то было, – Сергей Осипович, не зная, как выразиться, кивнул на кровать, – сие ровным счетом ничего не значит.

В ответ Наташка разрыдалась. От неловкости Разруляев начал бормотать что-то совсем несусветное:

– Я рассчитаюсь. Обязательно. Клянусь. И за стирку, и за...

И снова кивнул на кровать. Рыдания только усилились.

– Но не сегодня. Сама видишь, рубль остался. Но я... я клянусь. Сегодня же дам телеграмму. Помещик должен мне за полмесяца. Ну не надо... хватит...

Но баба не унималась.

Несмотря на жару, лоб Сергея Осиповича покрылся испариной. А что, если она бросится за околоточным? А он в кальсонах. Что тот подумает?

– Эй, как тебя? Наташка, послушай. Богом клянусь, как деньги получу, с тобой за все, за все рассчитаюсь.

– Не надо мне ничего, Сергей Осипович. А рыдаю, потому что сладко мне было. Так сладко, что не было и не будет. Платоша-то мой, покойничек, только меня избивал. Пьяным бил, трезвым бил. Из-за того ребеночка и не выносила. Ступайте с богом. Век вас не забуду.

Наташка закрылась передником и снова зарыдала.

– Одежда, – напомнил Разруляев.

Толстуха тяжело поднялась и вышла во двор. Буквально через минуту принесла вещи.

– Спасибо. Но мне, право, неудобно, – сказал Сергей Осипович, надевая сорочку. После того как Наташка упомянула про мужа, от сердца у него отлегло. – Раз денег не желаешь, тогда привезу подарок. Что хочешь, колечко или брошь?

– Ничего не надо. А если вправду одарить желаете, позвольте еще разок. Я так вас люблю!

Наташка кинулась к Сергею Осиповичу и заключила в объятия. Оттолкнуть ее он не решился.

Такого блаженства Разруляев никогда не испытывал. Плотскую свою нужду привык справлять с солдатами, несчастными бабами, мужьям которых выпал рекрутский жребий. Из-за нужды не отказывали никому. А после удовлетворения потребности на Сергея Осиповича накатывала брезгливость. С Наташкой же он испытал ту самую сладость, о которой она говорила. Отдал ей всего себя, а взамен получил в два, в три, в миллион раз больше.

Может, зря он клял Гуравицкого? Может, его послала Судьба? Разве был бы так счастлив с Ксенией? Нет, вечно испытывал бы неуверенность из-за своей непривлекательности и низкого происхождения. И она стеснялась бы – ее товарки по пансиону все замужем за князьями. И еще, теперь в этом Разруляев был уверен, Ксения стала бы изменять. От Гуравицкого за пару часов потеряла голову. А сколько их таких молодых красавцев?

А для Наташки он будет и царь, и бог.

– Мне пора, – прошептал Разруляев. – Нет, что ты, не навсегда, я теперь ни за что тебя не покину. Всего на часок. Забегу на почту, дам телеграмму.

– Тогда я с тобой.

– Не стоит. Потом мне еще к сестре. Понимаешь, у нее связи, мигом пристроит меня на службу.

– Значит, стесняешься меня?

– Что ты? Конечно, нет. Но Анну надо подготовить.

– Может, ну ее, вашу службу, Сергей Осипович? Будете сидеть дома, читать ваши книжки... Платоша-то мой и дня не работал. Жили на мои. Я ведь кружевница первый класс. Мои кружева царица носит.

– Хорошая ты моя, – поцеловал Наташку Сергей Осипович. – Я мигом.

– Не уходите...

– Нет, пора. А то телеграф закроют.

Сестра была полной противоположностью Сергею Осиповичу – характер имела решительный, а фигуру поджарую. Покойному отцу удалось выдать дочь-бесприданницу всего лишь за никчемного письмоводителя в чине губернского секретаря. Каким-то чудом (Сергей Осипович подозревал адюльтер) Анне удалось добиться перевода мужа из Новгорода в Петербург, где его карьера (опять же адюльтеры) неожиданно устремилась в гору и он дослужился до высокоблагородия⁷.

– Где шатался? – накинулась Анна Осиповна на брата. – Евстафий Карпович хотел уже панихиду заказывать.

Зять Разруляева, невзрачный блондин с несуразно пышными усами, закашлялся, дав понять, что супруга шутить изволит.

Сергей же Осипович от слов сестры оторопел:

– Откуда о моем приезде знаешь?

– Так ты телеграмму дал.

Разруляев мысленно поклялся себе больше не пить и стукнул ладонью по лбу, изобразив забывчивость:

– Ах да, прости, запамятовал.

– И где невеста?

– Что? И про нее написал? – не смог скрыть удивления Сергей Осипович.

– Опять допился до чертиков? – поняла сестра. – А ну, выкладывай.

– Кружевница? Ты женишься на кружевнице? – завизжала она, когда Разруляев закончил. – Опозорить хочешь?

С каждым ее криком Сергей Осипович и Евстафий Карпович вжимали головы в плечи сильнее и сильнее. Словно то были не головы, а шляпки гвоздей, которые забивала Анна Осиповна.

– Вакансии в департаменте имеются? – повернулась она к мужу.

На лице Евстафия Карповича появилась растерянность.

Анна Осиповна поняла смятение супруга по-своему и, не мешкая, отдала приказ:

⁷ То есть получил чин восьмого класса, коллежского асессора, или надворного советника.

– Если вакансий нет, уволишь Арцимовича.

– Его-то за что? – вырвалось у Евстафия Карповича.

Анна Осиповна с удивлением посмотрела на мужа. Тот покраснел, а потом, запинаясь, выложил аргументы в свое оправдание:

– Арцимович исполнитель. Переписывает очень быстро. И без ошибок.

– У него изо рта воняет, – снизошла до объяснения Анна Осиповна и отвернулась от супруга.

Ах, как хотелось Евстафию Карповичу вскочить и ответить жене твердым тоном. Ведь бедолага Арцимович в своем запахе не виноват. У него семеро детишек, из-за них недоедает. Оттого цинга, а от нее запах. Но вместо объяснений Евстафий Карпович лишь тяжело вздохнул.

– Значит, приступишь завтра, – велела брату Анна Осиповна.

– Но, дорогая, – возразил уже Сергей Осипович, тоже возмущенный. Про несчастного Арцимовича он слышал, и не раз. Оставить бедолагу без средств к существованию он просто не мог.

И его восклицание Анна Осиповна истолковала по-своему:

– А на что рассчитывал? Да, увы, придется сперва переписывать бумажки. Чина-то у тебя нет. А подходящую пару сразу не подобрать. Хотя... Кое-кто на примете имеется. Вдова купца второй гильдии, собственная скобяная лавка...

– Пожалуй, я пойду, – встал Разруляев.

Он и сам мог найти себе место письмоводителя. И никакая купчиха ему теперь уже не нужна, у него есть Наташка.

– Куда это ты собрался? – Анна Осиповна схватила колокольчик и пару раз позвонила.

Тут же в проеме двери в столовую, перегородив Сергею Осиповичу путь, возник Сидор, кухонный мужик, косая сажень в плечах.

– Так понимаю, до конца не протрезвел, – заявила брату Анна Осиповна. – Что ж, придется везти в психиатрическую. Говорят, алкоголическую болезнь там успешно лечат. Сидор, вяжи его...

– Не надо, – сдался Разруляев.

С Сидором ему было не совладать.

– Вот и отлично, – улыбнулась Анна Осиповна. – Утром вместе с Евстафием пойдешь на службу, вечером навестим скобяную лавку.

На счастье Разруляева, утром перед уходом на службу в квартиру Анны Осиповны появился Шелагуров. С кем здесь вести переговоры, он знал. Стороны договорились быстро.

– Забирайте его, забирайте, – воскликнула Анна Осиповна, когда Разруляев явился по колокольчику (ему был назначен сигнал в пять звонков). – Такое ведь только в сказках случается. Наш дед крепостным вашим был, а внук станет хозяином.

– Что такой хмурый? – спросил Александр Алексеевич вновь обретенного управляющего и будущего зятя, когда уселись в пролетку.

Сергей Осипович промолчал.

– На Николаевский вокзал, – скомандовал Шелагуров и, когда извозчик тронул, вновь попытался завязать разговор: – Неужели из-за кружевницы? Что ж, понимаю. У самого как-то случился роман с прачкой. Такая шалунья... Не бойся, Ксении ничего не скажу.

Сергей Осипович чувствовал себя на перепутье. Направо пойдешь – богатство, положение и женщина, о которой мечтал. Но она не любит его, выходит замуж по принуждению. Налево же – нищета. Нищета и Наташка. С которой так сладко.

*Понедельник, 26 сентября 1866 года,
Новгородская губерния, усадьба Титовка*

Через месяц после визита в Титовку Гуравицкого в имение пожаловал чиновник петербургской полиции титулярный советник Крутилин:

– Я расследую исчезновение вашего родственника, – объяснил он свое появление Шелагурову. – По словам его матери Ольги Семеновны, вечером тринадцатого августа года он машиной⁸ отправился сюда. Но обратно домой не вернулся...

– Знаю, – буркнул Шелагуров. Полицейских он не жаловал, потому ни завтрака, ни даже присест Крутилину не предложил. – Ольга Семеновна мне писала. И я ей ответил. Гуравицкий действительно сюда приезжал. Но даже не ночевал, в тот же день укатил в Петербург.

– Уверены, что в Петербург? Вдруг в Москву?

– Уверен абсолютно. Мой лакей проводил его до вагона.

Крутилин достал блокнотик, огрызком карандаша сделал пометку:

– Как звать лакея?

– Фимка. То бишь Ефим. Ефим Баранов.

– Я могу его опросить?

– Зачем? Разве моих слов недостаточно? – разозлился Шелагуров. – Если у вас все, не смею задерживать.

– Простите, но должен задать еще...

– Раз должны, задавайте побыстрее. Не видите, занят?

– Гуравицкий отбыл на курьерском, который отходит в два ночи?

– Да.

– То есть пробыл у вас почти сутки, – сделал вывод Иван Дмитриевич, заглянув в расписание. – Чем здесь он занимался?

– В смысле?

– Ну... – запнулся Иван Дмитриевич. Вопрос казался ему простым и понятным. – Как провел тот день?

– Обыкновенно. Впрочем, ведь вас не приглашают гостить в поместьях? Значит, придется объяснять. Гуравицкий сперва позавтракал, затем покатался на лошади, потом присутствовал на званом обеде по случаю именин моей сестры. Обед по обыкновению затянулся до полуночи... А после Гуравицкий откланялся и уехал.

– О чем вы разговаривали?

– Лично я ни о чем. Я видел его впервые. Гуравицкий не моя родня, кузен супруги.

– С ней могу поговорить?

– Ни в коем случае. Мэри беременна, плохо себя чувствует.

– А с вашей сестрой?

– Тем более.

– Что? Тоже беременна? – решил осадить заносчивого помещика Крутилин.

– Что вы себе позволяете? – вскочил Шелагуров. – Убирайтесь.

– Я при исполнении...

– Исполняйте у себя в Петербурге. А здесь, в Новгородской, столичная полиция расследовать не имеет права.

– Думаете, я по своей воле приехал?

Иван Дмитриевич достал из потертого портфеля листок и протянул помещику. Шелагуров пробежался по строчкам: «...прошу оказать всяческое содействие в расследовании...» Открытый лист, подписан министром внутренних дел.

– Матушка Гуравицкого задействовала все связи на поиски сына, – объяснил Крутилин. – Так что? Позвольте опросить домашних? Или за исправником послать?

Шелагурову пришлось сменить тон:

⁸ «Машинами» в XIX веке называли поезда.

– Сам расскажу. Садитесь.

Александр Алексеевич умолчал лишь о выстреле в кабинете.

– Зря вы Гуравицкого отпустили! – воскликнул в сердцах Крутилин, когда Шелагуров закончил. – Опасный субъект.

– Не мог поступить иначе.

– А вдруг Гуравицкий по примеру Каракозова пойдет с оружием на государя?

– Типун вам на язык. Присутствовали на казни?

– Разумеется.

4 апреля 1866 года у ворот Летнего сада студент Дмитрий Каракозов попытался застрелить императора. 3 сентября 1866 года по приговору суда преступник был повешен.

Со времен декабристов Петербург не видел казней. Интерес у публики она вызвала огромный. Еще засветло улицы, что вели к Смоленскому полю (обширному пустырю к западу от 18-й линии), были запружены экипажами. Народ попроще шел пешком. Любопытство было так велико, что женщины, которым не с кем было оставить младенцев, взяли детей с собой. Все возвышения и крыши были усеяны зрителями. На самом Смоленском поле яблоку было негде упасть. Предприимчивые жители Васильевского острова натащили туда стулья, столы, скамейки. Такса за сидячее место доходила до десяти рублей.

Для предотвращения беспорядков с пяти утра на Смоленском поле находился весь личный состав петербургской полиции, четыре роты гвардейской пехоты и эскадрон лейб-гвардии казачьего полка. По пути следования позорной колесницы, которую сопровождал отряд конных жандармов, стояли войска. Однако беспорядков не случилось. Собравшаяся публика приветствовала казнь одобрительными возгласами.

– Что ж, приятно было познакомиться, – поднялся Шелагуров. – Мой экипаж отвезет вас на станцию...

– Благодарю. Однако сперва все-таки опрошу Разруляева.

– Он-то вам зачем? – искренне удивился помещик. – После дуэли Сергей Осипович сразу уехал...

– Куда?

– В Малую Вишеру.

– Мог он там сесть на курьерский?

– Не просто мог, он в него сел.

– А теперь представьте... Разруляев садится в вагон и сталкивается там с человеком, который только что лишил его невесты, куска хлеба, унизил у всех на глазах...

– Послушайте, Иван Дмитриевич, я все объяснил. Гуравицкий бежал за границу.

– А почему мать не известил? Странно, не так ли? По вашим же словам, относится к ней с большой заботой, даже перед собственной казнью нашел способ послать ей весточку.

– Адрес Наташки запомнили? – уточнил Крутилин, все-таки, невзирая на возражения помещика, опросив Разруляева.

– Да. А вы?... Вы к ней поедете?

– Непременно. Что-нибудь передать?

Сергей Осипович опустил голову.

Крутилин тщательно проверил полученные им сведения. Кассир станции Веребье хорошо запомнил молодого человека, который приобрел билет в третий класс. Начальник станции видел, как под присмотром Фимки Гуравицкий садился в вагон. Однако ни кондуктор, ни обер-кондуктор курьерского состава припомнить его не смогли. Что не удивительно, все-

таки месяц прошел. Зато в маловишерском буфете хорошо запомнили Разруляева. В честь его будущей свадьбы угощались не только посетители, но даже извозчики и их кобылы. Кондуктор вагона первого класса, в котором ехали Сергей Осипович с Наташкой, был обеспокоен появлением столь странной парочки и до самого Петербурга не сомкнул глаз. Подозревал, что мужчина лишь изображает опьянение, а на самом деле намерен совершить грабеж. Но до Николаевского вокзала ни Наташка, ни Разруляев купе не покидали.

Наташка открыла Ивану Дмитриевичу, кутаясь в халат. Было видно, что больна. После участливых расспросов призналась, что носит ребенка и что беременность протекает тяжело. Показания Сергея Осиповича подтвердила.

Крутилин долго мучился, не зная, как поступить. Он и сам был женат без любви, и тоже из-за денег. И подобно Разруляеву вдруг обрел любимую. Ангелина, Геля, солнышко, свет в окошечке. С ней и посоветовался.

После чего написал Сергею Осиповичу письмо, в котором сообщил, что тот скоро станет отцом.

Глава 3, в которой читатель совершит экскурс в историю сыска, а Крутилин раскроет убийство, предсказанное в первой главе

В античные времена поиск преступника и доказательств вины считался личным делом потерпевших. Наметив подозреваемого и собрав улики, истцы обращались к судье, который, выслушав стороны и свидетелей, выносил вердикт – виновен обвиняемый или нет.

Схожий порядок сохранился и в Средневековье, с той лишь разницей, что решение выносилось теперь не по итогам слушаний, а по результатам судебных испытаний: водой, огнем, крестом или раскаленным железом. Если, к примеру, обвиняемый вытаскивал украденное кольцо из кипящей воды и при этом не обжигался, значит, его оговорили. Для установления «истины» суд мог назначить и боевой поединок между истцом и ответчиком. Следует отметить, что в суд имели право обращаться только лично свободные, споры между крестьянами разрешал их феодал.

Однако с развитием городов поиск преступников силами потерпевших стал невозможен. В поисках легкой наживы туда стекался всякий сброд: отставные солдаты и матросы, бывшие пираты и нищие, которые сбивались в шайки, грабили и убивали прохожих. Уличные стражники справиться с ними не могли – после налета преступники с легкостью исчезали в трущобах. Личный сыск результата уже не приносил, обитатели трущоб промышляли разбоем поголовно и своих соседей выдавать не спешили.

Властям пришлось предложить вознаграждение за поимку преступников. Результаты оказались впечатляющими. Но лишь поначалу. Московский разбойник Иван Осипов, по кличке Каин, за первый же день своего «сотрудничества» с Сыскным приказом сдал тридцать приятелей. И потом еще пять лет исправно доносил на воров и дезертиров, помогал богатым купцам вернуть похищенные ценности, выдавал на суд и расправу скопцов. Ненависть к раскольникам Каина и сгубила. Скопцы потомства иметь не могли, все их имущество после смерти переходило к общине. За прошедшее после никоновских реформ столетие община разбогатела и заняла высоких покровителей. Через них-то скопцы и донесли императрице Елизавете Петровне, что Ванька Каин выдает не всех злодеев, а лишь тех, кто не делится с ним добычей. В Москву был откомандирован генерал-полицмейстер Татищев. Специальная следственная комиссия под его руководством подтвердила сведения скопцов, а заодно выяснила, что Ванька в свою очередь «делился» собранной данью с прокурорами и чиновниками Сысканого приказа. Ваньку отправили на каторгу, взяточников разжаловали...

Подобным фиаско закончилась и деятельность «вороловов» в Лондоне, где некий Джонатан Уайльд «подмял» под себя весь преступный мир, грозя непокорным судом и виселицей. Сам в итоге на ней и оказался.

И лишь во Франции подобный эксперимент увенчался успехом. Эжен Франсуа Видок, бывший преступник и каторжник, в своем желании помочь правосудию был искренен, «королем воров» стать не пытался. Несколько тысяч грабителей и убийц, которых Видок знал лично, были отправлены его стараниями на гильотину и каторгу. После чего преступность в Париже резко уменьшилась, но не исчезла – на смену выбывшим из провинций приехали новые, которых Видок не знал, а познакомиться не мог – путь в криминальную среду был ему заказан. И тогда он предложил создать особое подразделение – криминальную, иначе сыскную, полицию. Власти согласились, и в 1812 году Сюрте Насиональ приступила к работе. Агенты, осведомители, сыщики, следователи, картотека с описаниями всех когда-либо попадавших в поле

зрения полиции преступников, использование достижений науки при исследовании вещественных доказательств, судебно-медицинская экспертиза – все это придумано Видоком. Разработанные им методики расследования с успехом используют и поныне.

По примеру Сюрте подобные подразделения были организованы по всей Европе. Но в Российской империи сыскная полиция появилась лишь в 1866 году.

Пятница, 27 ноября 1870 года,

Санкт-Петербург

Иван Дмитриевич посмотрел в окно. Смеркалось. Хорошо, что хоть снежок выпал. От снега на улицах светлее, а обывателям спокойнее. В темноте-то мазурикам самое раздолье. Бороться с мазуриками Иван Дмитриевич умел как никто другой, потому его и назначили начальником сыскной. Да только тяжела эта служба: каждый день в столице происходят десятки краж, иногда и разбойные нападения случаются и даже убийства. А штат невелик. Вот и вертится Крутилин как белка в колесе: и тут успеть, и там не опоздать. А силы давно уже не те. Раньше и до полуночи задерживался, и по воскресеньям на службу приезжал. А теперь...

«Не уйти ли мне сегодня пораньше?» – подумал Иван Дмитриевич.

Ангелину не видел со вторника, а завтра свидеться не удастся – приглашены к Тарусовым. А до понедельника разлуку с зазнобушкой точно не выдержит.

Иван Дмитриевич дернул за сонетку, и в кабинет явился чиновник для поручений Яблочков. Служил в сыском недавно, однако успел себя проявить.

– Сердце прихватывает, – соврал Крутилин, для убедительности прижав руку к груди.

– Сердце слева, – напомнил Яблочков.

Крутилин смутился, опустил левую руку вниз, поднял правую, но к груди не приложил, передумал:

– Устал. Домой покачу. Так что, Арсений Иванович, доклады от агентов примешь сам.

Яблочков зарделся от счастья. В первый раз доверили.

– Справишься? – как можно строже спросил Иван Дмитриевич.

– Не сомневайтесь, ваше высокоблагородие.

– Во-во, старайся, – с улыбкой сказал он. – Ни заместитель, ни помощник мне не положены. А вдруг в отпуск соберусь? Кому попало такое хозяйство не оставишь. Так что дерзай, Арсений.

Ангелина, Ангелина, счастье безбрежное. Когда бы ни приехал, хоть днем, хоть ночью, всегда рада, всегда счастьем светится, кинется на шею и целовать.

Женился Крутилин не по любви, а от усталости, немоготу стало бобылем. Набегаешься, устанешь как собака, придешь домой, а там пустота. Ни поговорить, ни душу излить. Сваха подобрала хорошую партию – Прасковья Матвеевна была молода, красива, да и приданое ее отец (купец первой гильдии) положил порядочное. Живи да радуйся. Но почему-то не сложилось. Как были чужими, так и остались. Даже любовь к сыну Крутилиных не сблизила. Ивана Дмитриевича раздражало в Прасковье Матвеевне все: и как одевается, и как говорит, и что именно говорит. Ну какое ему дело до того, кто из ее подруг вышел замуж, а кто нет? Кого муж бьет, а у кого наоборот? Или обсуждать целый вечер, какую ткань купить на платье: малиновую или палевую?⁹

С Ангелиной все иначе. Понимает его будто сестра родная. Иногда так разболтаются, что и про ласки забудут. Потому уезжать от нее никогда не хочется. И сегодня тоже не хотелось – кабы не Никитушка, сын любимый, которому обещал сказку на ночь, ушел бы от Ангелины за полночь... А так пришлось распрощаться в девять.

⁹ Бледно-желтую.

Дверь открыла Степанида. По выражению кухаркиного лица Иван Дмитриевич понял, что дома неладно, и поспешил в гостиную.

Прасковья Матвеевна вышивала крестиком. Даже головы не подняла, когда вошел. Дурной то знак, предвестник затяжной ссоры. Что случилось?

– Иван Дмитриевич, ну наконец-то. Хотел уже по больницам разыскивать, – произнес знакомый мужской голос.

Крутилин повернул голову. У изразцовой печки, украшавшей гостиную, грел руки Яблочков. Кой леший его принес?

– С чего вдруг? – опешил Крутилин.

– Ну как же. На сердце жаловались, потому и со службы уехали. – Арсений Иванович говорил со значением, вдобавок через слово бровь подымал. – Где ж искать, как не в больницах?

Иван Дмитриевич уже сообразил, что, не застав его дома, Яблочков стал изворачиваться, чтобы не возбудить у Прасковьи Матвеевны ненужных подозрений: вспомнил неуклюжую уловку шефа с его «больным» сердцем.

– Слышишь, Прасковьюшка, какой у меня помощник сообразительный, – подхватил игру Яблочкова Крутилин. – И вправду сердечко днем прихватило, решил было домой поехать, отлежаться. Однако в санях почувствовал себя хуже и приказал, не заезжая сюда, отвезти в Военно-сухопутный госпиталь¹⁰. Доктора тамошние, завидев статского советника, так перепугались, что послали за профессором Богдановским. Пришлось ждать, пока тот приедет. Потому и задержался.

– И что сказал профессор? – спросила супруга.

– Настаивал на госпитализации, – продолжил врать Крутилин. – Но я отказался. Терпеть не могу больниц, сама знаешь. Сошлись с профессором на каплях.

Прасковья Матвеевна подняла голову и пробуравила Ивана Дмитриевича тяжелым взглядом, пытаясь понять, врет или нет.

Вбила себе в башку, что прелюбодеяние – самый главный грех, и хоть кол ей на голове теши... Поначалу, еще до Ангины, Иван Дмитриевич пытался спорить:

– Ну а как же убийство, Прасковьюшка? Разве не этот грех самый тяжкий?

– Убийство убийству рознь. Вот ты, Ванюша, в прошлом году налетчика застрелил. Помнишь, рассказывал?

– Так выхода иного не было, он на меня с кинжалом бросился.

– Вот видишь. Раз жизнь свою спасал, значит, и не грех.

– Не тебе, Господу решать.

– А вот супружеской измене подобных оправданий не сыщешь. Анчутка¹¹ нарочно нас между ног щекочет, чтоб в рай не попали.

Даже ласки мужа Прасковья Матвеевна считала грехом, после них всегда истово молилась на коленях перед иконами.

То ли дело Ангиனுшка. Страстная, нежная, ненасытная.

Внимательно оглядев мужа, Прасковья Матвеевна произнесла:

– Отдай рецепт Степаниде, пускай на Невский сбегает, там аптеки допоздна открыты.

– Не надо, я сам... завтра.

Отказ предъявить рецепт только укрепил Крутилину в подозрениях.

– Принеси-ка мне ножницы, Иван Дмитриевич, вон они, на столе.

¹⁰ Располагался на Выборгской стороне у Литейного моста.

¹¹ Бес.

Иван Дмитриевич сразу понял, что задумала обнюхать. Соблюдая осторожность, перед уходом от Ангелины он всегда брызгался французским eau de Cologne, который специально там завел. А сегодня забыл.

Сейчас Прасковья учует тонкий, волнующий запах духов Ангелины, и тогда несдобровать.

Крутилин бросил умоляющий взгляд на Яблочкова. Что стоишь как истукан, гость незваный? Спасай, раз явился некстати.

– Давайте лучше я. – Арсений Иванович в два прыжка подскочил к столу, схватил ножницы и ринулся к Прасковье Матвеевне. – Ивану Дмитриевичу следует беречь себя, меньше двигаться.

– Это вы верно подметили, – сказала вместо «спасибо» хозяйка. – И значит, на убийство езжайте без него.

– Убийство? – встрепенулся Крутилин. – Что за убийство?

– Да ерунда, сами справимся.

– Это мне решать. Докладывай.

– Докладывать пока нечего. Знаю лишь, что загадочное, в запертой лавке случилось.

Прям как на улице Морг...

– Где такая? В какой части? – удивился Крутилин.

Книги, в особенности криминальные, он не жаловал.

– В Париже, – сообщил Яблочков. – «Убийство на улице Морг» – рассказ¹² про двойное убийство в запертой изнутри комнате.

– И что в нем загадочного? Сталкивался с подобными не раз. Убийца запирает дверь, расправляется с жертвой, затем сводит счеты с жизнью...

– На улице Морг случилось иначе. В комнату через окно забралась обезьяна...

– Обезьяна? Что только писаки не придумают. Хорошо, не черепаха.

– Зря недооцениваете обезьян, Иван Дмитриевич. В Индии половину краж из домов совершают они. Потому что никакая высота им не страшна, хоть на третий этаж заберутся, хоть на пятый.

– Здесь тебе не Индия, в наших морозах ни одна обезьяна не выживет. Хватит лясы точить, поехали.

– Куда это ты с больным сердцем собрался? – подскочила супруга.

– На службе я быстрее поправлюсь.

Сперва Петербург был ограничен рекой Фонтанкой, за ней по болотам и лесам бродили медведи. Потом леса вырубili, болота осушили, на их месте понастроили дач. Но город наступал стремительно, и уже в царствование Екатерины Второй в этих местах стали селиться гостинодворцы и ремесленники.

Теперь о бывшем предместье напоминало лишь название проспекта – Загородный.

Процентщик Вязников арендовал помещение на первом этаже трехэтажного кирпичного дома. Ночью лавку охранял сторож Вавила. Он и поднял тревогу, когда, явившись, как обычно, в шесть вечера, обнаружил ее запертой. Однако сперва отправился не в полицию, а к Вязникову домой: вдруг хозяин занемог и ушел пораньше? Но застал там лишь его супругу. Мария Поликарповна, выслушав Вавилу, встревожилась: Семен Романович человеком слыл четким, во всем соблюдавшим порядок, а сегодня и на обед в час дня не явился, и из лавки, сторожа не дождавшись, ушел. Не приключилось ли чего? Но предложение Вавилы срезать амбарный замок Мария Поликарповна поначалу отвергла, подумала: поведению мужа найдется разумное

¹² Эдгар По.

объяснение? Решила подождать хотя бы пару часиков, надеясь, что супруг вернется. Однако, когда пробило восемь, а Сергей Романович так и не объявился, пошла к околоточному.

Окоченевшего Вязникова нашли в подсобном помещении около насыпного¹³ сейфа. Преступник ударил его сзади тяжелым предметом – полицейский врач предположил, что то был металлический лом. Смерть наступила давно, возможно, что утром. Заклады из витрин преступника, можно сказать, не заинтересовали, только одну из них он разбил.

– Что тут хранилось? – спросил Крутилин у сторожа.

Задавать вопросы вдове было бессмысленно: она рыдала. Брат Марии Поликарповны Петр тщетно пытался ее успокоить.

– Всякая дребедень: цепочки серебряные, кольца без камней, – припомнил Вавила.

– Гроссбух где?

– В столе, в первом ящике.

Крутилин подошел, подергал. Оказалось, что не заперт. Однако сверху обнаружил не гроссбух, а книгу в коленкоровом переплете.

– «Преступление и наказание», – прочел вслух название Крутилин.

– А что? Весьма символично, – прокомментировал находку Яблочков.

– Что символично? – не понял Крутилин.

– В данном романе описывается убийство старухи-процентщицы.

– И кто убийца? Опять обезьяна?

– Нет, студент, по фамилии Раскольников. Вообразил себя новым Наполеоном, способным вершить судьбы, карать и миловать. Задался вопросом: тварь ли он дрожащая или право имеет?

– Хватит болтать, садись, изучай. – Крутилин нашел-таки в ящике гроссбух и бросил на стол. – Выясни, кому принадлежат заклады из разбитой витрины. А я покамест дворника попрошу.

Повелителя лопаты только что вытащили из постели. Высокий курносый детина с длинными рыжими волосами и бородой следствию ничем не помог.

– Дел зимой столько, что высморкаться некогда: снег сгребти, потом растопи, по квартирам воду отгаскай. Опять же дрова: разгрузи, наколи, разнеси. А еще мостовая, туды ее ети: что ни лошадь, то куча. Ежели убрать не успеешь, от его благородия, – дворник скосился на околоточного, – сразу в рыло.

– Вязникова сегодня видел?

– Может, видел. А может, то не сегодня, а вчера.

Яблочков кашлянул. Крутилин повернулся к нему.

– Надо в окрестных домах поспрашивать, – подкинул идейку Арсений Иванович. – Судя по гроссбуху, все клиенты Вязникова живут неподалеку. Вдруг кто сегодня заходил в лавку?..

Крутилин поглядел на часы:

– Полдвенадцатого, спят давно. Завтра с самого утра агентов к ним направишь.

Супруга покойного, до того плакавшая, сорвалась вдруг с места и бросилась на пол к телу.

– Бога ради, уведите вдову, – распорядился Крутилин.

Шурин покойного, коренастый мужичок лет сорока, поднялся со скамьи:

– Не можно, ваше высокоблагородие, никак не можно. В сейфе ценностей на многие тысячи, да и в витринах немало. Нельзя Маше уходить. Ей за эти вещи ответ держать.

– Ключ от сейфа нашли? – спросил Крутилин околоточного.

– Никак нет, ваше высокоблагородие.

¹³ Его стены были двойные, а пространство между ними было заполнено песком, что делало практически невозможным вынести его из помещения вместе с ценностями. Такие сейфы грабителям приходилось вскрывать на месте.

– Убийца ключи унес, – предположил Вавила. – У Семена Романыча все они на одной связке, и от сейфа, и от витрин, и от наружного замка. Раз убийца замок снаружи запер, и все остальные ключи у него.

– Дубликаты имеются? – Иван Дмитриевич посмотрел на вдову.

Мария Поликарповна всхлипнула, ее брат покачал головой:

– Семен никому не доверял. Ключи имел в одном экземпляре, связку всегда держал при себе.

Крутилин тоже никому не доверял, поэтому подошел к труп, опустился на корточки и самолично ощупал карманы. И опять посмотрел на Яблочкова.

– Краба? – предположил тот.

Иван Дмитриевич улыбнулся. И полугода не прошло, как Яблочков в сыском, а понимает начальство с полуслова.

Арсений Иванович обернулся за час. Сперва заскочил на Большую Морскую, забрал инструмент, что с задержания Краба там хранится, потом полетел на санях в Литовский замок. Крабу уже года два как полагалось стучать киркой на сибирских рудниках, но всякий раз стараниями Крутилина он не «попадал» на этап. Уж больно был полезен: любой замок, любой сейф мог вскрыть за пять минут. Не так давно супруга цесаревича потеряла ключ от резной индийской шкатулки с драгоценностями. Вскрывать такую отверткой рука не поднялась. Как всегда, выручил Краб. Цесаревич лично поблагодарил Крутилина.

Краб, тощий чернявый парень с длинными тонкими пальцами, обошелся с сейфом, как опытный хирург с больным. Внимательно осмотрев, обстучал с нужных сторон, достал из саквояжа какие-то щеточки, отверточки, пинцеты, зажимы и ловкими точными движениями произвел вскрытие.

– Могу ехать взад? – спросил Краб.

– Неужто в тюрьму торопишься? – удивился Яблочков.

– Холодно тут у вас.

И вправду, печь давно остыла, а растопить ее не догадались.

– Погоди чуток, – сказал Крабу Крутилин. – Осмотрим сейф, и поедешь. Его закрыть еще надо.

– Тогда налейте для сугрева...

– Я бы тоже не прочь, – признался Яблочков и уточнил у Вавилы: – Выпивка имеется?

– Да, только заперто. Вон в той тумбочке. А ключик на той же связке.

Краб, никого не спрашивая, подскочил к тумбочке и ногтем открыл хлипкий замок. Вытащил оттуда начатую сороковку столового вина¹⁴, бутылку портвейна и небольшую склянку с зеленоватой жидкостью. Открыл ее, понюхал:

– Кельнская вода. Ее-то зачем прятал? – спросил он недоуменно.

– То от меня, – пояснил Вавила. – Раньше на столе стояла, но как-то раз я не рассчитал с самогоном, ну и допил.

– Ну ты даешь, – усмехнулся Краб.

– Скучно тут. Всю ночь один-одинешенек.

– Девоч бы пригласил, – предложил Краб, разливая водку по стаканам.

– А как их запустишь? На двери снаружи замок, на окнах решетки.

– Неужто пожара не боишься? – удивился Крутилин. – Если не дай бог случится, сгоришь тут заживо.

– Значит, такая судьба.

¹⁴ Водка.

Подобного отношения к собственной жизни Крутилин не понимал. Сгореть из-за чужой жадности? Иван Дмитриевич ни за какие коврижки на такую бы службу не пошел. А Вавила даже не задумывался над тем, чем рисковал.

Выпили, не чокаясь, за упокой Вязникова. И приступили к ревизии сейфа – Арсений Иванович зачитывал по grossбуху, Крутилин доставал нужный заклад и складывал в мешок, за ними неусыпно следили Мария Поликарповна с братом.

Краба от греха подальше попросили от сейфа отойти, как-никак криминалист. Он с удовольствием придвинулся к заветной тумбочке. Компанию ему составил Вавила.

– Кольцо желтого металла с черным камнем, на бирке фамилия Холимхоев, – огласил очередной заклад Арсений Иванович.

– Есть такой.

Яблочков поставил в grossбухе галочку:

– Ожерелье белого металла...

– Эй, начальник, – окликнул Крутилина Краб, – слухай сюда. А ну, Вавила, повтори.

Захмелевший от портвейна сторож пролепетал:

– Романыч с утра как самовар сиял. По секрету сказал: сегодня разбогатею. Лавку к едрене фене продам, укачу в Париж. Но ты, говорит, не бойсь, договорюсь, чтоб тебя при ней оставили. Такой душевный человек, земля ему пухом.

Крутилин повернулся к вдове:

– Как Вязников планировал разбогатеть?

Мария Поликарповна покачала головой:

– Семен скрытен был. Сказал только, что встреча у него сегодня важная.

– С кем? – опередил Ивана Дмитриевича с вопросом ее брат.

С чего вдруг такое любопытство?

– Не знаю, – пожала плечами Мария Поликарповна.

Минут через двадцать Крутилин достал последнее, что лежало в сейфе, – кольцо с изумрудом.

– Выходит, все заклады на месте. А вот наличность украдена, – сверился с grossбухом Яблочков. – Пятьдесят два рубля ассигнациями и тридцать три серебром.

– Неужели из-за такой мелочи человека жухнули?¹⁵ – изумился Краб.

– Убийца небось думал, раз процентщик, значит, в сейфе миллионы, – предположил Петр Поликарпович. – А Семен копейки считал.

– А все из-за тебя, – накинулась на брата Мария Поликарповна. – Сколько раз Сеня просил тебя одолжить. Ведь через раз отказывал в закладах, оборотных средств ему не хватало.

– Я что тебе, барон Ротшильд? Забыла, как сам «ванькой» ездил?

Петр Поликарпович подошел к сейфу со свечой и внимательно осмотрел полки, даже рукой по ним поводил.

«Что он там ищет?» – подумал Крутилин.

– Курите? – спросил он его.

Петр Поликарпович кивнул.

– Давайте выйдем.

На Загородном завывала метель, прикурить удалось не сразу.

– Позабыл ваше имя-отчество, – признался Иван Дмитриевич.

– Петр Поликарпович.

– Чем, если не секрет, занимаетесь?

– Какие могут быть секреты от сыскной полиции? – усмехнулся тот. – Извозом. Двадцать лошадей содержу, столько же саней с экипажами. Нанимаю «ванек», половину выручки оставляю им, остальное забираю себе.

– С нуля начинали?

¹⁵ Убили (воровское аргю).

– Да, три года назад. До того крестьянствовал. А потом решил, хватит на Шелагуровых спину рвать.

– Помещик ваш бывший? – уточнил Крутилин.

Фамилия показалась ему знакомой, но где, когда, при каких обстоятельствах ее слышал, припомнить не смог.

– Это только считается, что бывший. На самом деле мировое соглашение только в этом году подписали. А я этого ждать не стал, подался в город. Земляки звали на фабрику, но я решил, что горбатиться на «дядю» больше не стану. Только на себя. Кобылу купил, в придачу старую коляску. Потом еще одну...

Подобных личностей Крутилин уважал. Сильно уважал. Такие Пшенкины и есть соль земли. Инициативные, верящие только в себя, в свои силы и руки, готовые рисковать и зарабатывать, кормить себя и давать работу другим. Именно они двигают Россию вперед. Если вдруг чума или холера какая пшенкиных всех повыкосит, страна погибнет.

Но что Петр Поликарпович искал в сейфе у родственника?

Задал вопрос. Пшенкин в ответ пожал плечами:

– Просто проверил, вдруг что пропустили. Я ведь, можно сказать, коллега ваш бывший, одно время сотским служил.

– Зря правду сказать не хотите, ох, зря. Завтра-то мы обыск продолжим. Если что-то против вас найдем...

– Неужели подозреваете? Напрасно, господин Крутилин. Я целый день в конторе сидел, любой подтвердит. Да и Вязникова как брата любил – росли вместе, вместе грамоте у приходского священника учились. Отцы-то наши против учебы были, так мы им назло. Будто знали, как пригодится.

– Вязников тоже с нуля начинал? – Крутилин показал на лавку.

– После свадьбы ему лоб забили, но в польскую кампанию комиссовали, штык пробил легкое. Но пахать он уже не мог. Свезло, что дядька ему лавку в наследство оставил. Иначе не знаю, на что бы они с Машкой жили.

– Ну что, докурили?

Пшенкин с сестрой переложили ценности обратно в сейф, Крутилин его опечатал и на этом осмотр решил прервать, чтобы продолжить завтра. Вдруг судебный следователь наконец пожалует? Ох, и не любит их племя выезжать по ночам.

Петр Поликарпович изъявил желание провести ночь в лавке вместе с Вавилой, но Иван Дмитриевич запретил. И Вавиле тоже. Нельзя давать возможность подозреваемым (а пока что под подозрением оставались все: и вдова, и ее брат, и сторож) обыскать лавку вперед полицейских. А в том, что Пшенкин что-то ищет, Иван Дмитриевич не сомневался. Но имел ли этот поиск отношение к убийству? Чтобы исключить проникновение в лавку, Крутилин приказал околоточному выставить у двери городского.

Яблочков повез Краба в Литовский замок, Иван Дмитриевич отправился домой. В спальню прошел на цыпочках, чтоб не разбудить супругу. Но та не спала. И когда лег, придвинулась поближе. Но не за ласками...

– Почему кельнской водой надушился? – спросила Прасковья Матвеевна. – Ты ведь французским eau de Cologneом пользуешься.

Иван Дмитриевич предусмотрительно побрызгал на себя в лавке из обнаруженного Крабом флакона.

– Парикмахер утром, когда брил, перепутал.

Супруга тотчас отодвинулась.

Спал Крутилин тревожно, кошмары мучили, посреди ночи с кровати вскочил, Прасковью разбудил:

– Что с тобой?

– Ничего. Спи себе, спи.

Сев на кровать, Иван Дмитриевич попытался вспомнить, что его напугало во сне. Но мешало ощущение, что упустил в лавке что-то важное. Слово, фразу... А когда улегся, неожиданно припомнил приснившийся кошмар: стаю обезьян с ломami наперевес, от которых убегал.

Судебный следователь Кораблев в лавку Вязникова так и не приехал. Заскочив утром в сыскное, он полностью одобрил действия Крутилина, разрешив и в дальнейшем действовать от его имени, мол, нужные бумаги потом подпишет. Иного Иван Дмитриевич от Кораблева и не ожидал, потому что тот был ленив.

На Загородный проспект Иван Дмитриевич отправил Яблочкова и пяток агентов: проверить заклады, хранившиеся в нетронутых витринах, обойти по адресам клиентов – вдруг кто из них посещал вчера лавку, опросить жителей близлежащих домов.

Вернувшись вечером в сыскное, Арсений Иванович напрямую пошел к Крутилину в кабинет, даже шубу не скинул:

– Кажись, раскрыли убийство.

Но ни в голосе, ни в глазах Иван Дмитриевич радости не обнаружил. Арсений Иванович имел вид озабоченный, если не сказать озадаченный.

– Докладывай, – велел начальник.

– После полной ревизии в лавке мы выявили исчезновение одного заклада – пары старых ношенных сапог. Покойный Вязников оценил их в полтинник. Принадлежали они некоему Кириллу Гарманову, из мещан, двадцати шесть лет, проживает на Разъезжей. Когда-то учился в университете, подавал надежды, но страсть к спиртному его сгубила. Теперь зарабатывает репетиторством, но из-за пьянства все меньше и меньше, хозяину комнаты, что снимает, не платит уже месяца три. Сама комната очень смрадная, маленькая, без окна.

– Удалось осмотреть?

– Открыта была. Из мебели матрас. Под ним обнаружил ломик со следами крови, все исчезнувшие из разбитой витрины заклады, связку ключей.

– А сам Гарманов где? Неужто исчез?

– Нет, второй день гуляет в трактире «Незабудка», сорит деньгами. Где их взял, никто не знает. Я оставил у трактира агентов, чтобы Гарманов не сбежал, а сам сюда, за вами.

– Почему не задержал?

– Уж больно нарочито. Подозреваю, улики подброшены...

– На каком таком основании?

– Помните книгу «Преступление и наказание»? Не дает мне покоя.

– Вот потому я книг и не читаю.

Глава 4, в которой помощнику присяжного поверенного Выговскому поручают первое самостоятельное дело

Вторник, 1 декабря 1870 года,

Санкт-Петербург

По своей воле князь Тарусов за такое безнадежное дело не взялся бы. Его ему сунули по назначению.

– Хотя вы и мэтр, Дмитрий Данилович, – начал за здравие член Совета присяжных поверенных Петербургского судебного округа Спасов, – с начала вашей практики и полугода не прошло. А, как известно, удел начинающих – дела по назначению. У вас же их кот наплакал.

– Одно, – уныло констатировал Тарусов.

– Маловато. Вот еще, дерзайте, – улыбнулся Спасов и, протянув папку с копией дела Шалина, огорошил еще раз: – Суд в эту пятницу.

По дороге домой Дмитрий Данилович материалы пролистал и решил, что на такую ерунду размениваться не станет. В Правительствующем Сенате вот-вот начнется рассмотрение его апелляции по иску богача Фанталова к Восточно-Каспийскому банку. А тут какой-то столяр...

– Антон Семенович, – обратился он по приезде домой к своему помощнику Выговскому. – Давеча говорили, что жаждете испробовать себя, провести процесс самостоятельно...

У Антона Семеновича загорелись глаза.

– Конечно.

Тарусов небрежно протянул ему полученную от Спасова папку:

– Вот, дерзайте.

Выговский тут же принялся изучать дело.

30 сентября 1870 года владелец Серапинской гостиницы господин Малышев вызвал столяра починить шкаф в одном из номеров. Однако Антон Сазонович Шалин, обычно исполнявший подобные работы, был занят срочным заказом, потому вместо себя отправил сына – восемнадцатилетнего Якова. Тот слыл задирой, однако благодаря заступничеству батюшки до поры до времени за свои грешки отделялся внушениями пристава четвертого участка Московской части Добыгина. А зря... Посидел бы в арестантских ротах, может, в такой переплет не угодил бы.

Перед приходом в гостиницу Якова в нее вошел солидный мужчина в дорогом заграничном костюме, предъявил вид на имя уроженца Привисленского края Кшиштофа Войцеховского и потребовал номер люкс. Услужливый портье предложил ему номера на выбор с окнами во двор или на Обуховский проспект¹⁶. Клиент выбрал тот, что потише, и достал из кармана туго набитый porte-monnaie крокодиловой кожи, чтобы расплатиться. Портье заметил нехороший взгляд, который бросил на porte-monnaie и его владельца проходивший мимо юный столяр.

Примерно через час Яков, закончив ремонт, получил от владельца гостиницы Малышева плату и ушел восвояси. А еще через час портье обратил внимание, что дверь в люкс приоткрыта, постучал, ответа не получил, осмелился заглянуть и увидел на полу труп.

Прибывший через десять минут пристав Добыгин произвел осмотр, обнаружил исчезновение porte-monnaie вместе с содержимым, заподозрил в этом Якова и отправился в мастерскую к Шалиным. Уже через час преступник сознался и был арестован.

¹⁶ Ныне Московский.

Дмитрий Данилович не без ехидства наблюдал, как у помощника вытягивается лицо. Однако, захлопнув папочку, Антон Семенович неожиданно произнес:

– Многообещающе. Позвольте уйти пораньше? Хочу навестить этого Шалина...
Заинтригованный Тарусов кивнул.

Одного взгляда на Якова было достаточно, чтобы понять – он не из тех представителей человечества, что изобрели колесо или открыли Америку. Открыть бутылку-другую да потискать в кустах прачку – вот предел возможностей и желаний юного Шалина.

– Я адвокат, буду тебя защищать, – представился Выговский, усаживаясь на привинченный к полу табурет.

Яков почесал подбородок, буркнул:

– Зачем?

– Хочешь на каторгу?

Такой простой вопрос неожиданно оказался для подзащитного сложным, Шалин задумался, и надолго:

– Нет, – наконец выдал он из себя.

– Тогда давай поговорим. Вот копия твоего допроса. – Выговский достал из папки нужный листочек. – Тебе его зачитывали?

– Зачем? Сами умеем.

Выговский удивился, но вида не подал, задал следующий вопрос:

– Вся там правда?

– Вся, – напористо заверил Шалин. – Ничего облыжного¹⁷ нету.

– Получается, ты зашел в номер, достал револьвер... – Выговский привстал и вытащил из шинели дуэльный пистолет, одолженный у Тарусова. – Этот?

– Он самый.

Значит, Шалин врет. Перепутать дуэльный пистолет с револьвером, из которого застрелили господина Войцеховского – так по документам значился убитый, – не способен даже деревенский дурачок.

– Опиши-ка мне номер люкс.

– Чего?

– Номер, в котором ты совершил убийство. Что там из мебели?

– Как обычно... Кровать.

– Еще что?

– Стул.

– Один или несколько? Чьей работы? Ты столяр, в мебелих обязан разбираться.

– Не помню.

– Бюро? Трюмо? Прикроватное зеркало? Ширма? Портьеры какого цвета? Обои?

– Не помню, не помню. – Шалин будто от нестерпимой боли схватился за голову.

– Ах, не помнишь... А может, тебя вообще там не было?

Шалин ответил молчанием.

– Я твой защитник. Мне можно и нужно довериться, – советовал Антон Семенович. – Клянусь, о твоих словах никто не узнает.

– Отстань. Не нужен мне аблокат. На каторгу хочу. Понял?

Из Съезжего дома Выговский вышел довольным. Хоть Шалин и не исповедался, все одно выдал себя с головой. Никаких сомнений нет – он себя оговорил, взял чужую вину. Чью?

¹⁷ Придуманного.

Зачем? Антон Семенович свистнул извозчика и велел отвезти сперва в лавку купцов Елисеевых, а оттуда в Окружной суд.

На самом деле огромный дом на Литейном проспекте, занимавший целый квартал между Шпалерной и Захарьевской улицами, официально именовался Зданием судебных присутственных мест.

*На Литейном такое есть здание,
Где виновного ждет наказание.
А невинен – отпустят домой,
Окативши ушатом помой¹⁸.*

Кроме Окружного суда, здесь размещались судебная палата, архив и камеры¹⁹ прокуроров, судебных приставов и судебных следователей.

Поднявшись по широкой лестнице на третий этаж, Антон Семенович нашел нужную дверь и постучал.

– А-а, Выговский! – обрадовался ему довольно молодой, однако успевший обзавестись брюшком коротконогий брюнет. – Сколько лет, сколько зим.

С судебным следователем Петром Никаноровичем Бражниковым Антон Семенович подружился, когда служил в сыскной полиции. Сблизило их многое: оба приехали из провинции, оба были молоды и холосты, любили выпить и покутить.

– Никак бургундское? – Бражников разгружал пакеты, которые принес приятель. – Ба, и сардинки любимые, и паштетик фуа-гра. «Каким ветром тебя сдуло, какой водой принесло?», друг Тохес. Только не ври, что соскучился.

Выговский поморщился. Ну сколько можно? И где только Бражников подцепил сие словцо – тохес? И ладно бы меж собой. Но Петр Никанорович и в компании его употреблял. Сидят, скажем, с разбитными девицами, и вдруг:

– Тохес, закажи-ка игристого.

И одна из сильфид непременно заинтригуется:

– Какое имя шикарное, верно, иностранное.

А Бражников тут же объяснит:

– Точно. Еврейское. Означает то место, на котором сидят.

И все смеются. И Выговский с ними. А что поделать? Не бить же морду лучшему другу?

Но сегодня обижаться было не с руки, Выговский и вправду заявился по делу.

Но рассказал Бражников до обидного мало:

– Убийцу мне готового привели, Добыгин его задержал, – признался приятель после стаканов за встречу, за дружбу и за баб-с.

– Пристав четвертого участка? Терпеть его не могу.

– Зато на его территории всегда ажур-абажур, преступлений вообще не бывает. И за это ему от меня огромное грандмерси. Иначе здесь бы и ночевал. – Захмелевший Бражников обвел пальцем стол, устланный бумагами, шкафы, заставленные папками, пол, где валялись груды дел. – Тохес, я понимаю, ты адвокат, обязан защитить клиента. Но этот... как его?..

– Шалин, – напомнил Выговский.

– ...точно, Шалин – редкостный негодяй. Спокойно так про убийство рассказывал, будто не человека, кабана завалил.

¹⁸ Н. А. Некрасов, поэма «Современники».

¹⁹ Кабинеты.

- Убил он ради денег?
- Судебный следователь кивнул.
- И сколько взял?
- Бражников пожал плечами:
- Мое любопытство так высоко не прыгает. Сознался, да и ладно.
- И куда он их дел?
- Куда-куда? Пропил, куда еще?
- Когда бы успел? Его уже через час задержали.
- При определенном навыке с хорошими друзьями, с красивыми... Вот мы с тобой – всего только двадцать минут сидим, а двух бутылок как не бывало.
- Место преступления осматривал?
- Не-а. Думаешь, надо было?
- Выговский кивнул с укоризной.
- Тогда завтра, с самого утра. Клянусь. – Бражников, словно на Писание, положил руку на папку с делом о растрате. – Только ради тебя.
- Не мели ерунды. Что теперь там найдешь? Полтора месяца прошло. Сколько постояльцев перебывало.
- Ни одного.
- Как ни одного?
- Дверь с тех пор так и опечатана, а ключик тут, в моем ящике.
- С чего вдруг?
- Потому что жадных не люблю. По швам трещу, когда их вижу. Ты вот сколько у Тарусова получаешь?
- Две тысячи в год.
- Да-а-а?! – присвистнул Бражников. – А второй помощничек ему не нужен?
- Не отвлекайся.
- Нет-нет, держу нить за хобот. Значит, так. Ты мне друг... Да или нет?
- Да, Петруша, да.
- Вот! Друг! А все одно явился с подношениями. Потому что интерес ко мне имеешь. А этот жадина... Дерет с приезжих по четыре рубля за номер, а пришел с пустыми руками.
- Ты сейчас про кого?
- Про Малышева, хозяина гостиницы. Ввалился без стука и как завел шарманку: «Моему заведению полвека. С двадцать седьмого года от нашей гостиницы отправляются omnibusы в Великий Новгород. Однажды у нас ночевал писатель Достоевский». И все в таком духе.
- И что, скажи на милость, из этой белиберды причина вернуть ему ключ? Принес бы пару «Клико»... Да хоть пару пива. Потому я насупил брови, придал козлетончику металл и огласил приговор: «Ключ верну только после суда».
- А мне его дашь?
- Бражников, несмотря на выпитое, мотнул головой:
- Еще чего? Держи карман шире. Знаю я тебя, все дело мне развалишь.
- В награду – малышка Жаклин за мой счет.
- И дюжина бургундского.

*Среда, 2 декабря 1870 года,
Санкт-Петербург*

Забегав утром к Тарусову, Выговский уведомил патрона, что снова вынужден отлучиться по порученному делу, и отправился на Обуховский проспект в Серапинскую гостиницу. «Сорок покойных и удобных номеров вблизи Технологического института» – так рекламировал ее путеводитель.

Еще совсем-совсем недавно Антон Семенович служил чиновником для поручений в сыскальной полиции. Однако нынешним летом обер-полицмейстер выказал ему недовольство, а Тарусов неожиданно-негаданно предложил место.

Но на всякий случай запаянное в стекло удостоверение сотрудника полиции Антон Семенович сохранил. Каким способом? Бургундское любил не только Бражников, его поклонники нашлись и в канцелярии обер-полицмейстера.

Предъявив портье сие удостоверение, Антон Семенович поднялся на второй этаж, отыскал номер под цифрой «семь», оборвал печати и повернул ключ в замке. Толстый слой пыли на полу и мебели неопровержимо свидетельствовал о том, что после Добыгина никто сюда не заходил. На паркете чернели пятна (вероятно, от крови), а огромная двуспальная кровать так и была расстелена.

Почему? Войцеховский, по показаниям портье, заехал в десять утра, его труп нашли около двенадцати. С какой стати улегся в такую рань? Притомился с дороги? Или...

Выговский, повинувшись чутью, сдернул простыню, скинул подушки. Опа! Женские шелковые панталоны с кружевами. Желтые, с драконами, не иначе из Китая. Теперь понятно, зачем постель разбирали...

В дверь постучали. Выговский спрятал находку в карман:

– Открыто.

В номер зашел одетый в суконный полукафтан мужчина за шестьдесят, лицо его украшал мясистый нос, сросшиеся брови и маленькие недобрые глазки:

– С кем имею честь?

– Сыскальная полиция, – показал издалика удостоверение Выговский. – А вы кем будете?

– Хозяин гостиницы Малышев Аверьян Васильевич. По какой надобности явились?

– По следственной.

– Но позвольте, следствие давно закрыто, дело передано в суд.

Малышев выглядел обеспокоенным, и сие Выговского заинтриговало. Неужели знает правду? Сам убил или кого покрывает?

– Все верно, Аверьян Васильевич, потому и пришел. – Антон Семенович демонстративно встал на четвереньки и заглянул под кровать. – Вдруг невиновного судим? Вдруг наружная полиция с выводами поспешила?

– Что значит поспешила? – раскрыл от удивления рот Малышев. – Яков во всем признался.

– А в суде бац – и откажется. Сколько раз такое бывало. А нам за то нагоняй. – Выговский поднялся на ноги и подошел к окнам, отдернув шторы, осмотрел подоконник. – Скажите-ка, Аверьян Васильевич, кроме Шалина, кто еще из посторонних находился во время убийства в гостинице?

– Кроме меня и обслуги, тут все посторонние. Приехали-уехали...

– Я про незарегистрированных. Например, «бланковые»?²⁰

– У меня вам не бордель! – вскричал фальцетом обиженный Малышев. – Сам Достоевский...

– Да знаю я, знаю, – перебил его Выговский. – И все же, насчет девок? Были или нет?

Малышев твердо стоял на своем:

– Ни одной.

Однако разволновался пуще прежнего. «С чего вдруг?» – подумал Выговский и решил выяснить. Выйдя из гостиницы, он нанял сани, но никуда не поехал, просто уселся и велел

²⁰ Проститутка, не прикрепленная к дому терпимости, работавшая на свой страх и риск.

извозчику ждать. Чутье его не подвело. Через пять минут из Серапинской вышел Малышев, тоже свистнул сани и отправился на Рузовскую улицу. Сойдя у дома двадцать девять, он велел «ваньке» его ожидать. Подъехавший следом Выговский выходить из саней не стал – дом этот знал преотлично, там размещался четвертый участок Московский части. Через несколько минут оттуда с Малышевым вышел пристав Добыгин. На его волевом лице читалась озабоченность. Придержав саблю, он прыгнул в нанятые Малышевым сани, за ним, кряхтя, забрался хозяин гостиницы. Антон Семенович сжал кулачки – кажись, не ошибся. И приказал извозчику следовать за ними.

Перемахнув Фонтанку, Малышев с Добыгиным свернули на Садовую, потом на Английский проспект, где вскоре остановились у внушительного забора, за которым скрывался двухэтажный особняк. В него они и вошли.

В этом особняке Выговский не бывал, однако про его владельца, купца первой гильдии Ломакина, был наслышан. Свои коммерческие таланты тот успешно сочетал с уголовными и за прошедшее с его приезда в столицу десятилетие сумел подмять под себя криминальный мир. Не весь, конечно, Петербург слишком велик. Однако мазурики Нарвской, Московской и Казанской частей подчинялись ему беспрекословно.

С таким противником Выговскому было не совладать, тут требовалась «поддержка артиллерии». За ней Антон Семенович отправился на Большую Морскую.

– Ну, Тохес, – прозвище, которым наградил Выговского Бражников, Крутилин слышал, и не раз, – похоже, разворошил ты гнездо. Не зря ведь они забегали. Но вот чего боятся, увы, не знаю. Дело про убийство в Серапинской гостинице мимо меня проскочило. У тебя мыслишки имеются?

– А как же. – Выговский вытащил фотографический портрет жертвы, снятый в прозекторской Московской части. Позаимствовал его из дела, когда Бражников отлучился по естественной надобности. – Взгляните.

Крутилин надел пенсне:

– Меткий выстрел. Думаешь, Дуплет расстарался?

Дуплет у Ломакина – главный громила, убивает и калечит, кого тот прикажет.

– Не сомневаюсь. А покойничка разве не узнаете? Голова куполообразная, затылок выступающий, лицо ромбовидное, лоб наклонен вперед, брови низкие, сросшиеся, глаза щелевидные.

– Стефан Тодорский по кличке Франт. В шестьдесят восьмом снял квартиру над страховым обществом «Восточный путь», в пятницу после ухода служащих проломил пол, завладел кассой...

– Тридцать тысяч ассигнациями.

– ...и успел на варшавский поезд. Оpoznан был через месяц, когда из Привисленского края прислали фотопортрет.

– Квартирохозяйка его опознала.

– Так, так, так. По моим сведениям, у Ломакина в обществе «Восточный путь» имелся интерес.

– Вот вам и мотив.

– Молодец, Тохес, хватку не теряешь.

– Спасибо.

– Только вот не докажем мы ничего. Одни домыслы у нас.

Выговский усмехнулся и, словно фокусник, вытащил панталоны:

– В номере нашел, под подушкой.

– Ого, какая штучка. – Крутилин потянулся к сонетке. – Сейчас pošлю агентов по лавкам...

– Не надо, – остановил его Выговский. – Если уж сам Добыгин бежит к Ломакину, наверняка и среди ваших агентов у него осведы.

– Ты прав, – посерьезнел Крутилин, имевший сведения, что доброжелателей у Ломакина хватает и в департаменте полиции, и даже в канцелярии обер-полицмейстера. – Хорошо, ищи сам. Но, увы, без удостоверения. Его изыму. Не дай бог тебя с ним поймут. Под суд пойдешь за этакую хлестаковщину.

Выговский со вздохом протянул Ивану Дмитриевичу документ. Крутилин спрятал его в ящик, дернул за сонетку. В кабинет вошел Яблочков. Иван Дмитриевич вводить его в курс дела не стал, лишь предупредил:

– Если вдруг кто из департамента полиции или из канцелярии обер-полицмейстера спросит про сегодняшний осмотр Серапинской гостиницы, направь эту любопытную Варвару ко мне. Если буду отсутствовать, ответишь, что судебный следователь Бражников еще первого октября отписал нам поручение произвести осмотр места преступления, но бумага по дороге затерялась и поступила только вчера. Я отправил агента, кого, ты не знаешь. Понятно?

Яблочков кивнул, уходя, кинул ревнивый взгляд на предшественника.

– Спасибо, Иван Дмитриевич, – поблагодарил Крутина Выговский.

– Как выяснишь, где куплены панталоны, пулей ко мне. Понял?

– Куда теперь без вас? Без удостоверения список покупателей мне не предоставят.

– Вот и отлично. Жду с нетерпением.

– Надеюсь, мои интересы будут учтены...

– Какие интересы? – делано изумился Крутилин.

– Должен победить на процессе.

Конечно, начальнику сыскной полиции такое условие выдвигать не принято, но Выговский, считай, в одиночку раскрыл это дело. И если повезет, за решеткой окажется тот, кого Иван Дмитриевич давно мечтает туда упечь. Потому Крутилин утвердительно кивнул Антону Семеновичу.

Окрыленный успехом, Выговский до самого вечера ездил по конфекционным лавкам, но искомым панталон не обнаружил.

Приказчики щупали образец, цокали языком – ах, какая ткань, – но на вопрос, где подобные купить, пожимали плечами.

У кого бы разузнать? Антон Семенович вспомнил про малышку Жаклин и поехал в дом терпимости.

– Это мне? – радостно воскликнула девица, когда Выговский вытащил панталоны.

– Если подскажешь, где продают.

– Откуда мне знать? Нас отсюда не выпускают.

Выходя из борделя, Выговский кинул взгляд на напольные часы, что стояли в гостиной – восемь вечера. Если поторопится, успеет к Тарусову на ужин. Надо и ему доложить о результатах. А заодно поесть, с самого утра маковой росинки во рту не было. А у Дмитрия Даниловича не кухарка, а гастрономический экстаз.

Завтра утром Антон Семенович задумал навестить свою подругу графиню Лизавету. Вдруг даст подсказку к панталонам?

Но вышло иначе.

Дверь Антону Семеновичу открыла сама княгиня, чему тот сильно удивился. Но объяснилось все просто:

– Камердинер взял выходной, кухарка ужин готовит, горничная накрывает на стол, дети заняты уроками, а у Дмитрия Даниловича господин Фанталов. Третий час что-то обсуждают. А как ваши успехи? Диди...

Александра Ильинична называла мужа по инициалам.

– ...сказал, что поручил вам самостоятельное дело.

Выговский заколебался. Одно дело предъявить панталоны Жаклин или Лизавете, совсем другое – супруге патрона.

– Антон Семенович, вы от меня что-то скрываете, – забеспокоилась княгиня. – Говорите немедленно, я настаиваю.

«Если рассказать от корки до корки, показ нижнего белья станет уместным», – решил Антон Семенович и, усевшись в гостиной, поведал Александре Ильиничне о сегодняшних приключениях. В самом конце, изобразив смущение, достал панталоны.

– Ни вы, ни даже Крутилин продавщицу этих панталон не сыщете, – огорошила его княгиня.

– Почему?

– Потому что их в лавках не продают.

– И где их можно купить?

– Только у Алины, она ездит по богатым домам, продает чулки и конфекцион.

Выговский по привычке достал блокнот и записал, прикидывая, как бы Алину поскорее разыскать. До суда-то один день.

– Разносчица Алина. Фамилию, случайно, не знаете?

– Не вздумайте обозвать ее разносчицей. Обидится смертельно. И разговаривать не станет.

– А как к ней обращаться?

– *Madam commis voyageur*²¹.

Выговский рассмеялся:

– Придумают же. И где она такое словечко подцепила?

– В гимназии.

– Неужто из благородных? – удивился Антон Семенович.

– Нет, ее матушка служит горничной. Весьма бережливая особа, потому и сумела оплатить дочке гимназию с полным пансионом. По стопам родительницы Алина идти не пожелала, к учительству ее душа не лежит, а на государственную службу, сами знаете, лиц женского пола не берут. Раздумья Алины, чем бы заняться, разрешились случайно: как-то раз она поехала сопровождать матушку, которой вздумалось купить пару шелковых чулок. Обе потеряли целый день. Столь дорогую вещь опасно брать без примерки, а в примерочные вечно очереди. Так у Алины и родилась идея ездить по домам с чулками, чтобы никто не мешал даме перемерить хоть пару дюжин. Товар она подбирает исключительный, последние французские штучки, такие в лавках днем с огнем не сыщешь...

– И эти панталоны?..

– Да, Алина их предлагала мне в сентябре.

– Как ее найти?

– У меня должна быть ее карточка. После ужина найду, напишу записку, чтобы завтра зашла. Когда будете уходить домой, отдайте ее дворнику, велите, чтоб отнес.

– Не знаю, как вас благодарить...

В гостиную вошла кухарка Матрена:

– Кушать подано.

²¹ Госпожа коммивояжер.

Глава 5, в которой за расследование принимается княгиня Тарусова

*Четверг, 3 декабря 1870 года,
Санкт-Петербург*

Давайте-ка познакомимся с Александрой Ильиничной поближе, ведь именно она главная героиня повествования.

Ей тридцать пять, блондинка, изящна, стройна, обворожительна, мила, а когда улыбается, мужчины не могут отвести от нее глаз. Но, увы, княгиня не флиртует. Потому что у нее есть муж. Единственный и неповторимый, в недавнем прошлом профессор Петербургского университета, ныне преуспевающий адвокат. Умный, талантливый, любимый, самый-самый.

Идеальная пара? Увы, Тарусовы так не считали. Нет-нет да пробегала меж ними черная кошка. А все потому, что Александре Ильиничне некуда было приложить силы. Раньше они уходили на детей. Но старшие, Евгений и Татьяна, выросли, а пятилетний Володя усмирить всю материнскую энергию в одиночку не мог. От вынужденного безделья княгиня стала помогать мужу в делах. И, надо признать, добилась успехов: без ее помощи все процессы, прославившие присяжного поверенного Тарусова, окончились бы пшиком²². Но вместо благодарности Дмитрий Данилович категорически запретил ей заниматься сыском. Ведь из-за деяний супруги его едва не лишили адвокатской практики. А сама Александра Ильинична чуть не рассталась с жизнью.

Рассказ Выговского княгине вдохновил: процесс Якова Шалина обещал быть перспективным. Эх, зря Диди отпихнул его, еще один грохот литавр ему не повредит.

И потому, когда на следующий день в начале первого пришла мадам Алина, Александра Ильинична Выговского звать не стала, расспросила ее сама. А выяснив что хотела, тут же отправилась к закадычному другу судебному доктору Прижову.

– Опять за старое? – уточнил Алексей Иванович, стягивая запачканные кровью каучуковые перчатки.

– Что ты, – соврала княгиня. Она знала: если признается ему, что да, снова занялась сыском, Прижов выгонит ее вшаей, потому что поддерживает запрет Тарусова. – Просто заехала удостовериться, что ты жив-здоров.

– Раньше ты приезжала за тем, чтобы что-нибудь разноухать.

– Мало ли что было раньше. Сейчас все изменилось.

– Что к примеру?

– Прежде ты часто к нам приходил. А сейчас и носа не кажешь.

– Теперь я семейный человек, – напомнил Алексей Иванович.

Грусть в его голосе Александру Ильиничну весьма приободрила. Ну-ка, ну-ка, значит, не все у них с Натальей Ивановной гладко. Княгиня так и знала. И предостерегала приятеля: «Наталья тебе не пара. Что ты в ней нашел? Ни умом не блещет, ни красотой. К тому же бесприданница».

Но вслух напоминать те слова не стала, лишь вкрадчиво спросила:

– Неужели так сложно выкроить время для старых друзей?

– Хотелось бы... да когда? По будням я на службе, в воскресенье утром водим маму в церковь.

²² Подробнее в романах Валерия Введенского «Приказчик без головы» и «Мертвый час».

– Маму? – удивилась Тарусова.

Прыжов с раннего возраста остался сиротой, воспитывался в доме Сашенькиных родителей.

– Теща велела ее так называть, – мрачно пояснил Алексей. – Затем на званый обед приходят ее подруги.

– Милые дамы, что присутствовали на свадьбе?

Княгиня вспомнила полдюжины вдов в невообразимых чепцах, которые с неодобрением разглядывали ее и Диди.

– Милые? Да они ведьмы.

– Что ты говоришь! – воскликнула княгиня.

– И Анна Васильевна, – так звали тещу Прыжова, – тоже ведьма.

– Кто бы мог подумать! – притворно схватилась за сердце Александра Ильинична. – А с виду само благообразие. И крестится через раз.

– Всюду сует свой нос. Стравливает нас. Но Наталья, чистая душа, слушать не хочет о разезде.

– Я говорила: она не пара...

– Тут ты ошибаешься! Мы живем душа в душу. Кабы не Анна Васильевна...

– Зови ее мамой... – подначила приятеля Сашенька.

Но эта реплика неожиданно разозлила Прыжова:

– Сам разберусь. Если у тебя все, извини, много работы. Рад был увидеться.

И, схватив перчатки, повернулся, чтобы уйти.

– Постой, – окликнула Алексея Ивановича княгиня. – Один вопрос.

– Значит, все-таки по делу, – усмехнулся Прыжов, но вернулся.

– Лёшич, дорогой, я просто соскучилась.

– Не морочь мне голову. Я слишком хорошо тебя знаю.

Это было правдой. Прыжов и Тарусова вместе выросли, а когда повзрослели, у них возникли чувства. Увы, не одновременно. Сначала влюбилась Сашенька (давайте нашу героиню называть так), но когда поняла, что безответно, попыталась отравиться. Слава богу, ее откачали, но ни в чем не повинного Прыжова услали в Москву. Когда он оттуда вернулся, Сашенька из гадкого утенка превратилась в царевну, и Алексей тоже влюбился. Но увы, она уже была замужем. Запоздалый ответ Прыжова был ей приятен, но не более.

– Выкладывай, зачем пожаловала.

– У тебя остались связи во Врачебно-Полицейском комитете?²³ – Сашенька вытащила из ридикюля список покупательниц, который ей продиктовала Алина. Обошлось сие недешево – пришлось чулок закупить на пятьдесят рублей. – Кто из этих дам промышляет проституцией?

– Зачем тебе?

– Не мне, Диди, – соврала княгиня. – Это он попросил тебя навестить. Сам Диди слишком занят. Иски Фанталова и все такое...

– Дай гляну.

Из дюжины покупательниц девять княгиня вычеркнула сама: одних по возрасту, других из-за положения в обществе. В списке осталось всего три имени.

– Одну из них знаю. Мария Желейкина. Бланковая, из самых дорогих. Красивая – с ума сдуреть.

– Что ж, спасибо.

– Рад был помочь. – И Прыжов стал натягивать перчатки, показывая, что ему пора вернуться к работе.

²³ На него был возложен контроль над проститутками.

Но уходить на подобной ноте Сашеньке было неловко. И вправду – навещает Алексея лишь тогда, когда ей что-то нужно. В гости, что ли, пригласить? Эх, если бы без Натальи... Но что поделать? Поздно теперь огород городить. Ладно, придется пригласить их вместе. Хоть младший сын обрадуется – очень к Наталье Ивановне привязан, до замужества она была его гувернанткой.

– Ах да... Чуть не забыла. Хотим пригласить вас на ужин. Завтра сможете?

– Лучше в субботу.

– Решено. Ждем.

«Бланковая» снимала квартиру в доходном доме на Казанской улице.

– Желейкина у вас стоит?²⁴ – спросила Сашенька у швейцара, который, судя по трубке в зубах, некогда служил на флоте.

– Так точно. Только не примет она вас.

– Почему?

– Запретила к себе дамочек пускать. А все из-за недавнего случая. Такая к ней фря заявила, хоть в лазарет клади: бледная, несчастная, руки дрожат. Выяснилось, ейный муж от избытка чувств к этой... – Швейцар запнулся, не в силах подобрать приличный синоним к емкому и выразительному словцу, едва не сорвавшемся с языка.

– ...к этой Желейкиной, – помогла ему Сашенька.

Швейцар от восторга поднял вверх большой палец:

– ...кольцо с алмазом подарил, семейную ценность, наследство бабушки-графини. А фря пожелала пропажу вернуть, а заодно отдубасить паршивку. Но не тут-то было. Кухарка Желейкиной кликнула из окна дворника, тот явился с околоточным.

Швейцар затянулся трубкой и замолчал.

– И что было дальше? – поторопила его Сашенька.

– Фома Фомич заявил, что, ежели Желейкина чего украла, пусть фря пишет заявление, а он тогда затеет дознание. Фря в слезы: «Это не Желейкина, это муж мой украл, но на него писать не стану», а Фома Фомич знай себе в усы смеется. Так и ушла фря ни с чем. Вы, гляжу, тоже насчет визита передумали?

Нет, конечно же, нет. Не таков был у Александры Ильиничны характер, чтобы она отступила. Но с учетом открывшихся обстоятельств план проникновения в квартиру следовало хорошенько продумать. Наградив швейцара за ценные сведения полтинником, княгиня пошла прогуляться.

Опыт общения с подобными особами у Тарусовой имелся. Увы, не самый удачный – чуть под следствие не угодила за попытку подкупа свидетельниц.

Не доходя до Невского, княгиня свернула к Казанскому собору, помолилась там за себя, детей, родителей, Диди... И план, как пробраться к Желейкиной, придумался сам собой. В книжной лавке, что на углу с Малой Конюшенной, Сашенька купила конверт, заклеила его и надписала адрес. Вернувшись к доходному дому, обнадежила сердобольного швейцара, что ее точно пустят, и поднялась на третий этаж. Позвонила в дверь и тут же прижалась к стенке, чтобы отворивший не смог ее заметить. Через несколько секунд дверь осторожно приоткрыли, грубоватый женский голос, явно принадлежавший прислуге, спросил:

– Кто к нам?

Сашенька молчала, стараясь не дышать.

Увидев на лестничной площадке брошенный конверт, прислуга решила, что приходил почтальон, распахнула настежь дверь, вышла из квартиры, чем и воспользовалась Тарусова. Заскочив внутрь, закрыла за собой на засов и двинулась по коридору, заглядывая в каждое

²⁴ Проживает.

помещение. В одной из комнат увидела рослую темноволосую красавицу – сидела на софе с крошкой пяти лет.

– Какая же вы настырная! – воскликнула хозяйка, увидев в проеме женский силуэт. – Я же сказала, кольцо не отдам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.